

ИСТОРИЗМ

А.С. Колчина

ПИСАТЕЛИ-ЭМИГРАНТЫ У МИКРОФОНА «РАДИО СВОБОДА» В 1970-1980-е гг.

Аннотация: в статье воссоздается чрезвычайно важный этап в развитии и распространении писательских трудов русской интеллигенции. Раскрываются мировоззренческие столкновения эмигрантов разных поколений. Анализируется установление новых канонов. Рассматриваются стилистические особенности разных писателей.

Ключевые слова: филология, эмиграция, диссидентство, политика, литература, интеллигенция, публицистика, интонация, история, язык.

Творческая интеллигенция третьей волны эмиграции. Мировоззренческие столкновения эмигрантов разных поколений

В начале 1970-х гг. с третьей волной эмиграции из СССР выехало около 50 тысяч представителей русской интеллигенции¹. Именно в этот период возникают новые для эмиграции явления: насильственное лишение гражданства и диссидентство.

Третья волна эмиграции отличалась большим количеством талантливых литераторов. Причины отъезда были разными. Как пишет исследователь русской эмиграции Е.Ю. Зубарева: «Нередко высказывается мысль, о том, что первая волна и вторая волна были обусловлены прежде всего политическими мотивами, тогда как третья волна эмиграции мотивами творческими... Речь тут не о политических разногласиях с советским строем, а о стремлении противостоять строгой регламентации во всех областях жизни, усиленно насаждавшейся в Советской стране, стремлении обрести свободу»². Писатели-эмигранты много сил отдавали тому, чтобы через художественные и публицистические произведения выражать запрещенные в СССР идеи и мысли о прошлом и настоящем страны. О количестве выпускаемых в этот период книг говорит

тот факт, что одно только издательство «ИМКА-Пресс» выпустило 250 названий книг на русском языке общим тиражом 600 тыс. экземпляров³.

Какими бы не были мотивы отъезда писателей-эмигрантов третьей волны, их объединяло то, что путь к читателю в СССР был для них закрыт. Работая на радио, они сумели поддержать правозащитное движение внутри страны, познакомить слушателей с сотнями документов, всевозможных рукописей, сделав их достоянием отечественной интеллигенции. На радио появляются аналитические программы — «Права человека», цикл «Хроника текущих событий» (подготовленный Людмилой Алексеевой) и др. Передачи РС отражали важнейшие события русской культурной жизни. Радио внесло свой вклад в сохранение непрерывности развития русской литературной традиции и продолжило, как и в 1950-1970-е гг. помогать самореализации русской творческой эмиграции на Западе.

Послереволюционные и послевоенные эмигранты критически относились к новой эмиграции по самым разным причинам. Первые не принимали идею «социализма с человеческим лицом»⁴ и критическое отношение к дореволюционной истории, а вторые боялись конкуренции с носителями более свежей информации о Советском Союзе. Если миссия первой волны эмигра-

¹ См. подробнее: *Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия* / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 71.

² Зубарева Е.Ю. *Проза русского зарубежья (1970-1980-е гг.)*. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 11-12.

³ *Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия* / отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2009. С. 71.

⁴ Первоисточник – выступление по телевидению (18 июля 1968 г.) лидера Компартии Чехословакии Александра Дубчека (1921–1992), в котором он призвал проводить «такую политику, чтобы социализм не утратил свое человеческое лицо».

ции «состояла в сохранении уходящей русской культуры, то третья волна эстетическую задачу сочетала с идеологической: опубликовать запрещенные в СССР и других странах Восточной Европы политически и эстетически нонконформистские тексты, открыть миру глаза на тоталитарное устройство советского общества»⁵.

Елена Скарлыгина в статье «В зеркале трех эмиграций: самоидентификация как проблема эмигрантского сознания»⁶ пишет, что «встретившись на Западе, русские эмигранты разных поколений обнаружили, что говорят на разных языках — слишком велики были ментальные и поколенческие различия, более того, слишком чужими казались вчерашние «советские»⁷. Эмиграция стала для многих тяжелым испытанием. Совершенно разный опыт, мировоззрение, даже разный язык мешали возникновению связей. Русский язык в СССР и за границей за 50 лет претерпел существенные изменения. Значительная часть русской литературной эмиграции испытывала тяготение к постмодернизму. Вместе с тем третья волна была достаточно разнородна. В эмиграции в одно и то же время оказались писатели реалистического направления, постмодернисты. Третья эмиграция уже несла в себе черты советской ментальности, «отношение к вновь приехавшим было более чем прохладным: от пренебрежительного отторжения до вежливого равнодушия»⁸, такие взаимоотношения складывались и в редакции русской службы РС. Большинство эмигрантов третьей волны прежде никогда не были за рубежом, на Запад они отправлялись навсегда, теряя гражданство и лишаясь возможности когда-либо увидеться с близкими. Елена Скарлыгина считает: «В этом отношении разрыв с родиной был для них даже более трагическим, чем для первой, послереволюционной эмиграции...»⁹. «Эмиграция третьей волны как политическое и культурное явление состоялась, — продолжает Скарлыгина. — Ее представителям удалось немало сделать как в литературе, так и в журналистике, в развитии общественной мысли. О ней все больше писали и говорили, с ней уже нельзя было не считаться»¹⁰.

⁵ Скарлыгина Е.Ю. В зеркале трех эмиграций // НЛО. 2008. № 93. С. 9 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html>

⁶ Скарлыгина Е.Ю. В зеркале трех эмиграций // <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html>

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Зубарева Е.Ю. Проза русского зарубежья (1970-1980-е гг.). М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 15.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Скарлыгина Е.Ю. Третья русская эмиграция в контексте течественной культуры 1960-80-х годов и культуры русского зарубежья // Вестн. Моск. Ун-та. 2009. № 1. С. 132.

В СССР вспоминать о существовании писателей русского зарубежья, уехавших с третьей волной эмиграции, начинают только к концу 1980-х г. В 1987 г. в программе РС «Писатели у микрофона»¹¹ Сергей Довлатов говорит, что в СССР начали обнаруживать русский литературный процесс за рубежом. Тем не менее, принципиальный характер этих перемен, их глубина и необратимость все еще были под большим вопросом. Все еще замалчивались десятки славных литературных имен. Все еще не могло быть и речи о публикации в Союзе произведений Бродского или Солженицына... Вот что Довлатов рассказывает об отношении к эмигрантской литературе: «За последнее время я то и дело обнаруживаю в советских газетах маленькие сенсации то Андрей Битов упомянет в своем интервью поэта Бродского, живущего в Нью-Йорке, то вспомнят парижан Эткинда с Синявским... Причем, если раньше в таких случаях писали «некий» или «так называемый», то теперь эти фамилии упоминаются в нейтральном контексте. И это, я считаю, прямо-таки рывок в сторону гласности и перестройки... Что же касается научной конференции в институте мировой литературы — там была сформулирована проблема эмигрантской литературы в целом. Не исключено, что в силу новых критериев оценки второго и третьего поколения писателей, сформировавшихся в условиях зарубежья, от меня и моих друзей и мокрого места в литературе не останется. Но уже то, что заговорили на эту тему — приятно... Короче, есть основания для сдержанного, как говорится, оптимизма. В печати без оскорбительных эпитетов упоминаются фамилии деятелей эмигрантской культуры. Ходят слухи о готовящихся публикациях... Кому-то в неофициальной беседе намекнули, что он мог бы съездить на родину. После стольких лет замалчивания, когда сам факт отъезда из страны считался изменой отечеству, и это отрадно...»¹². Однако, выступление Довлатова очень сдержанное, он сомневается в возможности перемен и анализирует современное положение советской литературы сквозь призму истории, приводя в пример литературную жизнь 1920-1930-х гг., когда печатались произведения Горького, Бунина, Куприна, Шмелева, Тэффи, антисоветские книги белоэмигранта Романа Гуля, на Запад ездил Бабель, но их судьбы сложились весьма трагически. Во всегда ироничном и иносказательном финале выступления Довлатов подводит итог: «До тех пор, пока не будет решена проблема положения русской эмиграции, а решить ее можно в два счета

¹¹ Аудиоархив РС в Праге, 1987 г. Диск: RA-477/5. Порядковый №87/09/26-27.

¹² Там же.

— открыв границы и упразднив цензуру, до тех пор будут циркулировать в Союзе наши многострадальные книги, возбуждая особый интерес к запретному плоду, называемому литература русского зарубежья, наши книги будут для конспирации оборачивать в газету, тайно передавать друг другу и продавать на черном рынке, что, с моей точки зрения — не самая худшая доля. И все-таки я предпочел бы, чтобы мои книги открыто стояли в книжных магазинах, занимая скромное место где-нибудь между Саввой Дангуловым и Николаем Доризо»¹³. За год до этого Довлатов делает передачу о выступлениях Евгения Евтушенко в Америке, свидетельствующую об отношении к советской литературе в эмигрантских кругах: «Свое выступление в соборе Сент-Джон Евтушенко начал с откровенной пошлости. Медленно оглядев высокие, исчезающие в полумраке, своды храма, он пониженным до трагизма голосом выговорил: «Я редко хожу в церковь». Затем вдохновенно блеснул глазами и крепнущим баритоном закончил: «Моя церковь — поэзия». Тотчас же ко мне наклонилась моя соседка по секции прессы, знакомая американка средних лет, и встревоженно зашептала: «Как вы думаете, его не репрессируют за эти слова?», я поспешил успокоить мою соседку и заверить ее в том, что бесстрашному поэту ничего не угрожает...»¹⁴. В текстах радиовыступлений безошибочно угадывается стиль повествования Довлатова-писателя. Довлатов продолжает: «Нью-Йоркская редакция РС не в первый раз посылает меня на концерт Евтушенко, и я давно уже понял, что все, что говорит и делает Евтушенко, рассчитано исключительно на невинных и сверх всякой меры дружелюбных американцев... Евтушенко давно уже предстает перед западной аудиторией в образе голубя мира, этакого спортсмена-олимпийца, на время выступления которого воюющие державы по традиции заключают перемирие. В промежутках между выступлениями Евтушенко одаривает американцев вариациями на тему своего давнего популярного стихотворения «Хотят ли русские войны?». Помните? (Довлатов читает стихотворение не полностью). Если бы я был человеком педантичным, я бы предложил Евтушенко задать этот вопрос женам и матерям афганских крестьян. И вообще спросил бы Евтушенко, как в этом случае согласуются поэзия с политикой...»¹⁵. Выпуск цитируемой аналитической программы «Культура, судьбы, время», в которой выступал Довлатов, целиком был посвящен концертам Евтушенко в американских

городах. Тему продолжает другой писатель, сотрудник РС *Владимир Максимов* (настоящее имя — Лев Самсонов), который в одном из интервью сказал, что «отъезд для него был не вызовом, а уходом от безнадежности»¹⁶. Писатель был регулярным участником передач парижского отделения РС в конце 1970-1980-х гг. Максимов говорит о советских писателях категоричнее, с большим раздражением, чем Довлатов, называя их «любимцами западной публики, пропагандирующими политику очередного генсека»¹⁷. Эта острота определяет общее мнение эмигрантов о советской культурной политике зарубежом: «Кто-то недавно остроумно заметил, ослабление международной напряженности, на Запад едут Евтушенко и Вознесенский. Усиление международной напряженности, на Запад снова едут — Евтушенко и Вознесенский...»¹⁸. Так же как и в своих литературных произведениях, Максимов в текстах для передач РС пытается осмыслить соотношение человеческой судьбы и истории. Чередуя современные и исторические события, Максимов объясняет главную мысль своего выступления — «времена меняются, но лишь в том смысле, что идеологических мавров теперь не уничтожают после того, как они выходят в тираж»: «Бросим ретроспективный взгляд на недавнюю советскую историю. 20-е годы. Не успели зарастить травой братские могилы расстрелянных большевиками кронштадтских матросов, как Ленин объявляет так называемую новую экономическую политику и десятки политических вояжеров от советской культуры разлетаются по городам и весям Запада с оливковой ветвью в зубах и пропагандистскими сочинениями в кармане... В это же время большевики хладнокровно добивают Закавказье и Среднюю Азию, топят в крови восстание тамбовских крестьян, вымаривают голодом Кубань и Поволжье... Но ради успеха великого эксперимента прогрессивная элита Запада готова закрыть глаза и уши для любой негативной информации из страны ее социальных грез... Сыграв свою роль, все они, Есенин, Маяковский, Мейерхольд и многие другие были вскоре доведены до самоубийства или закончили жизнь в пыточных подвалах того самого учреждения, которое оплачивало их зарубежные путешествия... 30-е годы. Только-только завершилась кровавая коллективизация крестьянства, по стране прокатилась волна политических процессов и чисток, цензура в области культуры сделалась тотальной, а новые апологеты советского

¹³ Там же.

¹⁴ Аудиоархив РС в Праге, 1986 г. Диск: Маја RA-290/3. Порядковый №86/03/16-17.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Интервью Владимира Максимова, данное А. Пугач // Юность. 1989. № 12. С. 82.

¹⁷ Аудиоархив РС в Праге, 1986 г. Диск: Маја RA-290/3. Порядковый №86/03/16-17.

¹⁸ Там же.

рая уже поспешили на загнивающий Запад с сенсационными сообщениями о торжествующей в Советском Союзе счастливой жизни трудящихся... И снова все кончилось тем же... 40-е годы. В эйфории совместной победы над фашизмом, культурное братание превратилось в разновидность эпидемии. Перед очередным поколением советских дезинформаторов, вроде Симонова, Эренбурга, Фадеева, как по щучьему велению, открывались любые двери... В это же время миллионы советских военнопленных заполняли лагеря от Воркуты до бухты Нагаево. Военные трибуналы беспощадно расправлялись со вчерашними победителями, в числе которых оказался и Александр Солженицын. Вскоре подросли и погромы еврейской интеллигенции... На этот раз, обе стороны, за исключением одного лишь Фадеева, путившего в порыве раскаяния себе пулю в сердце, благополучно почил в собственной постели или номенклатурных клиниках...»¹⁹.

Еще раз отмечу, что практически все выступления писателей у микрофона РС публикуются в этом исследовании впервые — по звукозаписям.

Внутренние конфликты на радио. Установление новых литературных канонов

РС в его современной концепции было заложено с прибытием на Запад третьей волны эмиграции. В этот период утверждаются главные тематические основы радио — правозащитная, социальная, историческая и литературная, которые сохраняются до сих пор.

К началу 1970-х гг. на РС все больше звучат тексты самиздата, происходит их обсуждение. (Начиная с 1973 г., РС издавало многотомное собрание сочинений самиздата «Вольное слово»). Первая их трансляция относится к 1969 г., а к первому кварталу 1971 г. шестая часть всего вещания (в среднем — 58 часов в неделю) была отдана самиздату²⁰. РС неоднократно именовали «трибуной», «эхом», «резонатором», с помощью которого советские люди могли выразить себя и обменяться информацией²¹. РС становится чуть ли не главным источником распространения самиздата в Советском Союзе. В 1970 гг. возникли программы, посвященные вывезенным документам. Материалы копировались и рассылались по разным западным университетам. Это была обычная журналистская деятельность — искать,

распространять и тиражировать информацию²². Советские пропагандисты говорили, что радио работает на западную разведку²³.

Как отмечает историк русской эмиграции, сотрудник РС Иван Толстой, благодаря РС российские слушатели постоянно были в курсе западных философских, эстетических и художественных идей, получали в достоверном виде историю русской дореволюционной и эмигрантской мысли, знакомились с наиболее интересными и актуальными публикациями европейской и американской периодики. Обзоры эмигрантских журналов и газет входили постоянной рубрикой в еженедельное расписание передач. «Писатели, журналисты, историки и публицисты в меру своих сил и интересов — изо дня в день, из года в год — создавали у микрофона РС тот или иной канон литературных произведений, который был призван сформировать в сознании слушателей «правдивую», «правильную», «истинную» картину истории и сегодняшнего дня русской литературы» — пишет Толстой²⁴. Поскольку американское руководство станции почти никогда не вмешивалось в литературную программу радиовещания, эта сторона деятельности РС была полностью отдана самим редакторам его русской службы.

В 1970-х — начале 1980-х гг. перед микрофоном РС выступали видные советские диссиденты. Это был цвет интеллигенции: писатели, режиссеры, художники, ученые. В этот период сотрудниками станции становятся люди, которые заговорили по радио с современным поколением современным языком. Новоприбывшие со своей концепцией советской жизни начали в силу своей компетентности вытеснять тех, кто работал на радио прежде. И вот эта новая концепция, новые каноны, в том числе и в культуре и в литературе, стали утверждаться на радио. Среди новых писателей, как правило, были не писатели-реалисты, а писатели-модернисты. Поэтому радио в течение 1970–1980-х гг. проводило в умах слушателей ту реформу, которую можно назвать модернистской²⁵.

Смена канонов проходила на фоне внутренних конфликтов на радио. До начала 1970-х гг. проблемы канона не возникало, поскольку в него могло быть вклю-

²² Там же.

²³ В разгар «холодной войны» в середине 1972 г. в эфире советского телевидения показывают пропагандистский фильм «Преступники на «Свободе». Ведут его политические обозреватели Владимир Дунаев и Александр Жолквер.

²⁴ Толстой И. Радио Свобода. Статья готовится к публикации в сборнике «Урочища русской памяти», Париж. Рукопись любезно предоставлена автором. С. 8-9.

²⁵ Из интервью автора исследования с историком, сотрудником РС Иваном Толстым (2009 г.).

¹⁹ Там же.

²⁰ Сосин Дж. Искры Свободы. Воспоминания ветерана радио / пер. с английского Ольги Поленовой и Ивана Толстого // [ftp://realaudio.rferl.org/tu/sosin.pdf](http://realaudio.rferl.org/tu/sosin.pdf). С. 121.

²¹ Из интервью автора исследования с историком, сотрудником РС Иваном Толстым (2009 г.).

чено любое литературное произведение, запрещенное в СССР. Всем эмигрантам у микрофона казалось, что этих произведений хватит до скончания века. В этот период на радио работала вторая волна эмиграции (эмигранты военных лет) и несколько человек из первой волны (Георгий Адамович, Владимир Варшавский, Владимир Вейдле, Гайто Газданов, Виктор Франк). Для них литература была немыслима вне реалистических рамок. Причиной конфликта стало желание старшего поколения эмигрантов расширять великорусскую тематику за счет программ о Есенине, Пушкине, Лермонтове, Толстом, Чехове, Лескове, то есть о тех писателях, которые в это время печатались в СССР. Они знакомили слушателей с неизвестными страницами Бунина, Шмелева, Куприна, считали, что новые писатели плодят русофобию своим модернизмом, говорили, что делают передачи для русского слушателя, поэтому передачи должны быть русскими. Но жанр радиопередач эмигрантов второй волны был достаточно примитивен: они подавали литературу через биографию писателя и обширные цитаты патриотической тематики²⁶.

Третья волна, все прибывая и прибывая, постепенно вытеснила старые каноны радио, утверждая в эфире свои собственные произведения и произведения своих единомышленников. Состав сотрудников РС пополнился новыми эмигрантами, некоторые из них были уже сложившимися на родине писателями. Третья волна дала почувствовать на радио новое отношение к советской власти. Тяжелый дух антисоветизма, установившийся на радио до 1970 г. постепенно начал сменяться более умеренным и гибким отношением эмигрантов 1970-х гг. В этот период РС транслировало книги Венедикта Ерофеева, Владимира Марамзина, Юза Алешковского, Сергея Довлатова, Владимира Войновича, Сергея Юрьенена, Василия Аксенова и др. Были окончательно сформированы основные направления — модернистское и сатирическое. Как отмечает Иван Толстой: «В целом третья волна принесла в радиоэфир городскую тематику, модернизм (Василий Аксенов, Владимир Марамзин, Саша Соколов, Сергей Юрьенен), тему нонконформизма и андеграундной жизни (Виктор Некрасов, Владимир Максимов, Андрей Синявский, Георгий Владимов), сатиру и юмор (Александр Галич, Юз Алешковский, Владимир Войнович, Сергей Довлатов), драму советского еврейства»²⁷.

То есть внутриредакционные конфликты писателей-сотрудников РС отражают эстетические вку-

совые расхождения всей литературной эмиграции. Показательно, что известные споры о канонизации классиков между представителями первых двух волн эмиграции и третьей также фактически происходили между старыми и новыми сотрудниками РС²⁸. «Многие из писателей-эмигрантов третьей волны апеллировали к опыту русских писателей XIX в.: Пушкина, Толстого, Достоевского, однако, при этом они отвергали канонизацию классиков, считая ее оскорбительной. Официальный классик удобен. Он становится эффективным средством формирования необходимой идеологии. Но чем выше памятник классика, тем дальше он от читателя, тем менее понятен истинный смысл его творческих исканий. Остаются лишь штампы безопасных оценок»²⁹.

Одной из особенностей третьей волны эмиграции, отличавшей ее от всех предшествовавших, был национальный состав эмигрантов — это были люди преимущественно еврейского происхождения. В основном приехавшие с третьей волной эмиграции, они выступали против явных антисемитских выпадов, проскальзывавших в передачах старшего поколения, которые, в свою очередь, утверждали, что радиостанция теряет «русский дух». Старейшая сотрудница диктор Виктория Семенова-Мондич возмутилась заявлением, которое сделал в 1976 г. исполняющий обязанности главного редактора: «Мы делаем передачи не для русских, а для советских людей». Дело усугублялось тем, что эти слова принадлежали Владимиру Матусевичу, советскому еврею, недавно покинувшему страну, и это не способствовало улаживанию отношений. Возмущенная Мондич подала заявление в Конгресс США и в Совет по международному радиовещанию. Ее поддержала русская эмигрантская пресса. Матусевич назвал себя «жертвой антисемитов» и заявил бывшему тогда директором Рональдсу: «Вы создали ситуацию, в которой организаторы шовинистической и антисемитской кампании празднуют победу». Все эти события получили название «*Октябрьской революции 1976 года*»³⁰. Матусевич впоследствии (в конце 1980-х — начале 1990-х годов) возглавлял русскую

²⁶ Там же.

²⁷ Толстой И. Радио Свобода. Статья готовится к публикации в сборнике «Урочища русской памяти», Париж. Рукопись любезно предоставлена автором. С. 11.

²⁸ Одним из первых разрушителей канонизации стал Синявский, автор книг «Прогулки с Пушкиным» и «В тени Гоголя». «Прогулки хама с Пушкиным» — отозвался Роман Гуль, мнение которого разделяли другие представители первой волны. См. подробнее: Зубарева Е.Ю. Проза русского зарубежья (1970-1980-е гг.). М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 53-55.

²⁹ Зубарева Е.Ю. Проза русского зарубежья (1970-1980-е гг.). М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 52.

³⁰ Сосин Дж. Искры Свободы. Воспоминания ветерана радио / пер. с английского Ольги Поленовой и Ивана Толстого // <http://realaudio.rferl.org/ru/sosin.pdf>. С. 138.

службу РС. Отметим также, что у Александра Солженицына с консервативными сотрудниками в Мюнхене всегда были хорошие отношения. С появлением третьей волны, Солженицын все чаще обвинял РС в том, что оно потеряло связь с русским народом и не заботится о его интересах, выступая «против русского национального сознания»³¹.

Эфир «Радио Свобода» в 1970-1980-е гг. Программы и авторы

В 1970–1980-х гг. у микрофона РС выступали почти все известные писатели русского зарубежья: Василий Аксенов, Иосиф Бродский, Георгий Владимов, Владимир Войнович, Александр Галич, Анатолий Гладилин, Сергей Довлатов, Владимир Максимов, Виктор Некрасов, Андрей Синявский и др. Некоторые из них стали постоянными комментаторами РС, и каждый обогатил русские передачи своим видением современной советской действительности. Сейчас эти писатели обрели статус классиков, их произведения осознаются как неотъемлемая часть русской литературы XX в., которая, по чисто идеологическим причинам, два десятилетия находилась под запретом, а теперь возвращена российскому читателю.

Писатель, автор передач, привносил в эфир свою уникальную интонацию. Нельзя забывать, что каждый работал в инородной для себе среде — радиоэфире, каждый по-своему ее воспринял и сумел к ней приспособиться. Любопытно, что все писатели рассказывали в эфире в какой-то мере о себе, независимо от выбранной темы разговора — от чего беседа сразу приобретала *личностный характер*. Если говорить о самых известных авторах РС этого периода — Аксенове, Войновиче, Галиче, Довлатове и Некрасове — можно утверждать, что они, работая в одно время, выступая часто в одних и тех же программах, смогли создать совершенно разные направления в литературном вещании РС. Например, Аксенов, оставаясь прежде всего писателем в эфире, а потом уже журналистом и ведущим, был художником, его речь изобиловала метафорами, он умел создавать атмосферу описываемой им истории и погружать в нее аудиторию, его ирония строилась на внутренних рифмах или алогизмах. Современному слушателю легче воспринимать сюжеты бесед Довлатова, потому что Аксенов обычно пишет о контексте истории, художественно описывает то или иное событие, которое давно произошло, а Довлатов говорит о людях, о русском менталитете, который по сей день остается неизменным. Войнович — сатирик в эфире,

его радиоэссе очень публицистичны, злободневны, привязаны к конкретному событию. В этом смысле можно говорить, что Войнович работает в эфире как журналист. Голос Галича — один из самых печальных голосов на РС. Он искренен, всегда обращается непосредственно к слушателю. Его беседа — это разговор, а не чтение заранее написанного текста, как у остальных авторов-писателей. Если не знать, что у микрофона Александр Галич, его можно было бы назвать журналистом, обладающим неповторимой манерой подачи информации. Некрасов же наследует интонацию старых сотрудников радио — эмигрантов первой волны. Его выступления отличают интеллигентная речь, превосходный русский язык, подробные детали, предыстории, выводы.

Важнейшая программа этого периода вещания — «Писатели у микрофона», напоминающая прежнюю аналитическую программу «Дневник писателя». Темы и жанры творчества писателей нового поколения, также как и прежних авторов, пересекаются с темами и жанрами их выступлений. Некоторые выпуски «Писателей у микрофона» можно отнести к документально-художественной группе жанров: радиоочерк, радиорассказ, радиофельетон. Программа была разделена на несколько частей, в каждой из которой один из писателей-эмигрантов выступал со своей беседой. Обычно все выступления были связаны сквозной темой.

Слушатели любили *Сергея Довлатова*³², работавшего внештатным сотрудником в Нью-Йоркском отделении РС с 1980 до 1990 гг., любили его легкую и ироничную манеру повествования, выразительный голос. К 1985 г. выступления Довлатова у микрофона РС стали регулярными. Довлатов скорее реалист, чем модернист, его нельзя назвать сатириком, но на примере его публицистического творчества можно рассуждать о тех новых эстетических формах, которые предлагались РС советскому слушателю. Прежде всего, это безупречная форма насмешки над своей судьбой и над самим собой. Старейший сотрудник РС Джин Сосин вспоминает, что однажды Довлатов сказал о себе: «Оказавшись в эмиграции, я создал для себя собственный жанр. Поскольку я не знал американской жизни, американской прессы, не интересовался американским искусством, мне пришлось заняться мемуарами»³³. Один из жанров выступлений Довлатова на РС — это беседы о жизни в Союзе, а точнее сатирические зарисовки о советской

³¹ Там же. С. 162.

³² Сергей Довлатов (1941-1990) – автор книг «Компромисс» (Нью-Йорк, 1981), «Заповедник» (Анн Арбор, 1993), «Ремесло» (Анн Арбор, 1985), «Иностранка» (Нью-Йорк, 1986), «Чемодан» (Тенафлай, 1986) и др.

³³ Там же. С. 178.

жизни. Одна из таких зарисовок о коммуналках вышла в эфир в 1986 г. в программе «Писатели у микрофона». Выступление Довлатова — отзыв на появившуюся в «Литературной газете» статью под названием «Каждой семье отдельную квартиру. Решение 27 съезда КПСС в жизнь!» (от 24 сентября 1986 г.). Вот что говорит по этому поводу Сергей Довлатов: «Я вспоминаю нашу отвратительную и родную коммуналку. В ней проживало шесть семейств — в общей сложности 15 человек... Взаимное раздражение среди жильцов почти не утихло. Частные размолвки едва не перерастали в судебные конфликты. На кухонном собрании обсуждались такие вопросы: кто сдал посуду Игоря Васильева? куда девалось тушеное вымя техника Харина? за что полковник Тихомиров обозвал жиличку Свистунову росомажой? почему у Довлатовых вечно торчат какие-то странные гости — типа Синявского и Даниэля? При чем жили у нас в квартире сравнительно интеллигентные люди... Тем не менее, страсти бушевали, и, главным образом, потому — что жили в ужасной тесноте. Я прожил в коммунальной квартире тридцать пять лет. Тысячу раз пытался поменять свое жилье на что-то отдельное, но вышло так, что менял я, в конце концов, не квартиру, а страну...»³⁴. Позиция Довлатова нарушала традиции радио, где было принято быть уверенным в своей правоте, она противоречила общему этическому самоощущению журналистов. Довлатов приходил с совершенно чуждой для РС интонацией — виноват сам, не советская власть³⁵. В другом выпуске программы «Писатели у микрофона» Довлатов рассуждает о Западе и Востоке, о том, что противопоставление Восток-Запад все более утрачивает географический смысл и наполняется политико-социальным и нравственным содержанием. Довлатов в публицистических выступлениях, также как и в рассказах, часто обращается к теме журналистского творчества: «Когда-то я работал в многотиражной газете, заведовал отделом культуры и совершал разного рода идеологические ошибки. Когда их накопилось значительно, мой производственный и творческий облик решено было обсудить на собрании с участием представителей парткома и комитета ВЛКСМ. Один из выступавших на этом собрании сказал: «Довлатову свойственна идейная неразборчивость. Материалы вверенного ему отдела отмечены низкопоклонством перед Западом». Должен сказать, что я действительно в те годы страдал низкопоклонством перед Западом — очень любил французскую

живопись, итальянское кино, американскую прозу, джаз, да и сейчас после стольких лет жизни на Западе — это низкопоклонство не только не угасло во мне, но даже окрепло. Тем не менее, я не хотел терять работу в своей многотиражке и потому в силу многолетней привычке к демагогии воскликнул: «Где вы видите низкопоклонство?». Представитель парткома ответил: «Недавно вы напечатали статью про какие-то японские танки и про какую-то там японскую Исикаву». Я обалдел и говорю: «Исикава Такубоку — выдающийся японский поэт, танка — древнейший жанр японской поэзии, а главное, где тут низкопоклонство перед Западом? По-вашему, Япония — это Запад?». «Конечно» — не дрогнув, ответил представитель парткома. «А Китай?» — спрашиваю. «Китай — отвечает — это Восток». ... Вот Киплинг писал: «Запад — есть Запад, Восток — есть Восток и с мест они не сойдут...». А тут выясняется, что одна и та же географическая территория может быть в зависимости от обстоятельств и Востоком и Западом...»³⁶. В рамках цикла «Писатели у микрофона» в 1988 году Сергей Довлатов записал также серию программ «Простые люди» о шоферах, артистах, директорах и поварах.

У микрофона РС Сергей Довлатов прочитал все свои книги. РС «выручило» Довлатова, дало ему аудиторию — причем такую аудиторию, в которой «мог быть воспринят не только его текст, но и его голос»³⁷. На эту подготовленную радиоаудиорию легли его пришедшие в 1990-х гг. в Россию книги. Александр Генис однажды заметил, что в отличие от других-писателей эмигрантов, Довлатова «перестройка не вернула, а ввела в русскую литературу»³⁸. Сергей Довлатов делал передачи о русских писателях и поэтах. Интересны его выступления, приуроченные к 60-летию со дня гибели Есенина и 100-летию со дня рождения Николая Гумилева. В 1983 г. в программе «Культура. Судьбы. Время» Довлатов обращается к творчеству Андрея Платонова, по случаю выхода в нью-йоркском издательстве «Серебряный век» повести Платонова «Впрок», «так далеко не впервой русские издательства на западе восполняют зияющие пробелы в истории русской культуры...»³⁹. Довлатов говорит о судьбе выдающегося русского прозаика, рассказывает о том, что, начиная с середины 1960-х гг., в Советском

³⁴ Аудиоархив РС в Праге, 1986 г. Диск: RA-477/3. Порядковый №86/10/18-19.

³⁵ Из интервью автора исследования с историком, сотрудником РС Иваном Толстым (2010 г.).

³⁶ Аудиоархив РС в Праге, 1989 г. Диск: RA-406/4. Порядковый №89/11/18-19.

³⁷ Борис Парамонов. После филиала // О Довлатове. Статьи, рецензии, воспоминания. Тверь, 2001. С. 138.

³⁸ Александр Генис. Сад камней // Там же. С. 83.

³⁹ Аудиоархив РС в Праге, 1983 г. Диск: MajaRA-266/7. Порядковый №83/09/03-04b.

Союзе переиздаются наименее острые вещи Платонова, а на Западе изданы романы Платонова, долго ходившие в самиздате: «Против советской власти Платонов не выступал, что было бы равносильно физическому самоубийству... Но, как честный художник, дал в своих лучших романах «Чевенгур» и «Котлован» такую страшную, по истине, сюрреалистическую картину распада народного сознания, что говорить о его лояльности к бесчеловечному режиму становится абсолютно нелепым... Платонов то и дело оказывался мишенью марксистской критики, надолго умолкал, добывая себе пропитание едва ли не оскорбительными способами, в частности, работая дворником в союзе писателей, где делили между собой завидные материальные блага его бездарные ненавистники и враги. Рассказывают, что когда литературные вельможи Федин и Тихонов, проходя через двор союза писателей в своих бобровых воротниках, демократично здоровались с убирающим мусор Платоновым, он с издевкой отвечал: «Здравия желаю, ваше высокоблагородие»... Даже и теперь официальная советская критика изображает Платонова стихийно даровитым, но политически не зрелым бытописателем, так и не усвоившем сути марксистско-ленинской диалектики и, вдобавок, коверкавшего русский язык. Хотя в разное время прозой Платонова восхищались такие непохожие друг на друга ценители литературы, как Хемингуэй и Горький. А уж для сегодняшней читающей публики, как в России так и в эмиграции, Платонов бесспорно входит наряду с Булгаковым, Бабелем и Зощенко в число крупнейших русских художников XX столетия...»⁴⁰. В 1984 г. в программе «Культура. Судьбы. Время» Довлатов делится своими впечатлениями от прозы Анатолия Гладилина по случаю выхода романа «Большой беговой день» в американском издательстве «Ардис»⁴¹. **Анатолий Гладилин**⁴², эмигрировав в 1976 г., начал работать в парижском бюро РС, где продолжал выступать вплоть до 1986 г. Автору представляется интересной беседа Анатолия Гладилина и Виктора Некрасова в 1978 г. на тему — «искусство и тоталитаризм» в программе «Писатели у микрофона», где Гладилин рассуждает об изобразительном искусстве в СССР и о советских журналах по искусству⁴³. Эмигрантскую жизнь Анатолий

Гладилин описал в автобиографическом романе «Меня убил скотина Пелл», где довольно язвительно описывается русская служба РС и внутренние отношения эмигрантов «третьей волны». Сотрудники РС Виктор Некрасов, Александр Галич, Василий Аксенов живут на страницах книги под своими именами, прототипы многих зашифрованных героев угадываются. Однако сюжетная линия главного героя в значительной мере остается плодом авторской фантазии.

Каждое выступление Довлатова — это законченное произведение, поэтому представляет собой несомненный литературоведческий интерес. Отдельно можно выделить беседы о литературе Иосифа Бродского и Сергея Довлатова на РС, многие из которых ранее не были опубликованы. В 1986 г. для аналитической программы «Культура. Судьбы. Время» Довлатов берет интервью у Бродского о его новой книге статей и эссе «Меньше, чем единица»⁴⁴, где важное место отводится рассказу Бродского о переводе собственных произведений. Фрагмент из интервью: «Бродский: Это сборник, как это называется по-английски и все чаще встречается по-русски, сборник эссе. То есть, проще сказать, это размышления в прозе «о», «взгляд и нечто», если угодно... Это довольно толстая книжка, мне даже есть чем похвастаться — в ней пятьсот страниц, пятьсот одна. Большинство статей написаны по-английски... И я всячески бы возражал против перевода их на русский язык, потому, что при переводе некоторые рассуждения покажутся чрезвычайно упрощенными или не обремененными необходимыми при написании по-русски количеством нюансов... Довлатов: Иосиф Бродский после смерти Владимира Набокова, писавшего по-русски и по-английски, сейчас, насколько мне известно, единственный крупный писатель-художник, принадлежащий в равной мере двум культурам — русской и американской... Мне захотелось спросить — чем руководствуется Иосиф Бродский, выбирая, тот или иной язык для своей очередной работы. Бродский: Я думаю, что побудительным мотивом к сочинению того или иного произведения по-английски являются чувство языка, чувство фразы. Вам приходит какая-то идея чисто внутренняя, эстетическая идея абзаца или какой-то фразы. И вы понимаете, что эту фразу лучше написать по-английски, чем по-русски. То же самое происходит и со стихами... Ты слышишь фразу и поэтому ты пишешь стихотворение, ты слышишь два или три слова в той или иной комбинации... При переводе решаешь какие-то чисто практические задачи. Иногда тебя захватывает, возникает музыка, но

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Аудиоархив РС в Праге, 1984 г. Диск Maja RA-273/6. Порядковый №84/02/03-04с

⁴² Анатолий Гладилин (1935) — автор книг «Хроника времен Виктора Подгурского» (1956), «Большой беговой день» (1983), «Меня убил скотина Пелл» (1991) и др.

⁴³ Аудиоархив РС в Праге, 1978 г. Диск WM 122578 Gladilin A. Nekrasov V. /Culture. Порядковый №78/12/25

⁴⁴ Аудиоархив РС в Праге, 1986 г. Диск: OksanaRA-381/7. Порядковый №86/03/25-26

никогда не забываешь, что это игра...»⁴⁵. В 1989 г. Сергей Довлатов в литературной программе «Эклибрис» говорит о книге сотрудников РС, писателей, соавторов, живущих в Нью-Йорке Петра Вайля и Александра Гениса: «Много лет назад окончив среднюю школу, Вайль и Генис решили сейчас перечитать ту русскую классику, которая входит в обязательные школьные программы. И высказаться об этих произведениях с дистанцией прожитых лет. Озаглавили они свое исследование — «Родная речь», а что это модернизированный учебник, популярное литературоведение, исторический труд или хорошая эссеистика — судите сами»⁴⁶. Затем в программе звучит авторское чтение главы «Печоринская ересь» из книги «Родная речь» (к тому времени пока неопубликованной). Впоследствии Вайль и Генис будут неоднократно вспоминать Довлатова в своей прозе и беседах на РС. Вайль в эссе «Без Довлатова» пишет: «С его появлением в редакции день получал катализатор: язвительность, злословие, остроумие, едкость, веселье, хулу, похвалу... 24 августа 1990 г. в девять утра, сидя в метро, я знал, что скажу в эфире: умер Сергей Довлатов»⁴⁷. Манера Довлатова писать так просто, как будто он говорит, отчасти связана с тем, что это писалось для микрофона. Он эту манеру полюбил и увидел в ней выигрышную сторону разговорного жанра. Он все всегда проверял «на голос», когда готовился к микрофону. Александр Генис пишет: «В прозе Довлатова лучше всего слышен тот голос, который пробивается без помехи. Неудивительно, что Сергей оказался на «Свободе»... Работу на радио он упорно считал халтурой и в «Филиале» изобразил нашу редакцию скопищем монстров»⁴⁸. В «Филиале» Сергей Довлатов описывает работу на РС, называя радиостанцию «Третьей волной»: «Наша тема — Россия и ее будущее. С прошлым все ясно. С настоящим — тем более... А вот насчет будущего есть разные мнения... На радио среди штатных сотрудников имеются дворяне, евреи, бывшие власовцы. Есть шестеро невозвращенцев — моряков и туристов... Попадают на радио довольно замечательные личности. Есть внучатый племянник Керенского с неожиданной фамилией Бухман. Есть отдаленный потомок государя императора — Владимир Константинович Татищев. Как-то у нас была пьянка в честь дочери Сталина

Аллилуевой...»⁴⁹. В «Филиале» за зашифрованными героями угадываются выступавшие на РС писатели: Андрей Синявский, превращенный в прозаика Белякова, Виктор Некрасов, изображенный старым писателем Панаевым, автором романа «Победа», писатель Юз Алешковский в Юзовском.

Радио отвечало акустической природе довлатовского дарования. Он писал вслух и выпускал предложение только тогда, когда оно безупречно звучало. В этом ему помогал сам язык, который Бродский называл «гуттаперчевым». Генис: «...Прелесть русской речи — в ее свободе. Лишенная жесткого порядка слов, она вибрирует микроскопическими инверсиями. Так, стоя на месте, как музыка Дебюсси или пробка на волнах, язык передает не мысль, а голос. Довлатов не меньше поэтов ценил способность звука сохранять то, что теряет письмо. Сергею всегда казалось важным не что было сказано, а кто говорил. Истину ему заменяла личность. Голос был его почерком. Поэтому, снисходительно относясь к Свободе, Сергей заявлял, что если б и разбогател, не оставил бы микрофона»⁵⁰. Александр Генис и Петр Вайль в 1990 г., когда умер Сергей Довлатов, посвящают его памяти специальный выпуск программы «Эклибрис»: «Генис: Тексты Довлатова отличает ощущение полной достоверности, фактографичности, документальности. При всем этом, нет никакого сомнения, что довлатовские сочинения — не записные книжки. Здесь заключено противоречие, основной парадокс Довлатова. Тот самый парадокс, который и скрывает существующую загадку, тенденцию, ради которой пишет автор... Вайль: Считать, что Довлатов лишь следует за потоком жизни, столь же просто, сколь и непростительно. Его проза придумана и сконструирована от самого начала и до самого конца. Его тексты, воспринимающиеся как куски жизни, в самом высоком художественном смысле искусственны. От идейной сверхзадачи, до языка, который при всей кажущейся естественности тоже отнюдь не записан, а сконструирован...»⁵¹.

Владимир Войнович⁵², как и Сергей Довлатов, проверял свои тексты «на голос». Он регулярно выступал на РС в 1980–1994 гг., живя в Мюнхене. Как отмечает

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Аудиоархив РС в Праге, 1984 г. Диск RA-391/3. Порядковый №89/06/18.

⁴⁷ Вайль П. Без Довлатова // Довлатов С. Последняя книга: Рассказы, статьи. СПб: Азбука, 2011. С. 306-307.

⁴⁸ Генис А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 2004. С. 244-245.

⁴⁹ Довлатов С. Филиал (Записки ведущего). СПб: Азбука-классика, 2009. С. 5.

⁵⁰ Генис А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 2004. С. 253.

⁵¹ Цитируется по аудиоматериалу, подготовленного И. Толстым для исторического цикла «Полвека в эфире», посвященного 50-летию РС // URL: <http://archive.svoboda.org>

⁵² Войнович (1932) — автор книг «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» (Париж, 1975), «Иванькиада» (Анн Арбор, 1976), «Москва 2042» (Анн Арбор, 1987) и др.

сотрудник РС Иван Толстой, Войнович регулярно записывал свои тексты по телефону. Это «прослушивается» в некоторых программах. Сам Войнович говорит, что все-таки чаще записывался в студии⁵³. Советская аудитория узнавала о его новых (запрещенных в стране) романах из передач РС. У Войновича была еженедельная десятиминутка. Вместе с Сергеем Довлатовым, Виктором Некрасовым и Владимиром Максимовым он участвовал в программе «Писатели у микрофона». Политические фельетоны Войновича выходили без цензуры, что было для него внове. Войнович вспоминает: «Здесь часто обвиняли Свободу в том, что она разжигает национальную вражду, но на самом деле там очень внимательно следят, чтобы все было дозировано... Радио сделало очень большое дело в свое время. И оно было лучше других радиостанций, во многом интереснее других западных станций, потому что информация и комментарии концентрировались на наших здешних делах»⁵⁴. В интервью с Владимиром Войновичем, сделанном автором исследования в 2010 г., он рассказывает: «Я начал сотрудничать с РС, когда оказался в эмиграции, в декабре 1980 г. ... Сначала у меня брали интервью, потом, через какое-то время, ко мне обратился сотрудник РС — Александр Перуанский (в эфире псевдоним — Воронин) с предложением писать для РС еженедельные скрипты. Сначала на еженедельные я не согласился, потому что первый скрипт писал месяца три. А потом как-то разошелся и стал писать раз в неделю. Я ставил своей задачей говорить советским людям о них самих. Я был уверен, что они не знают, что такое советская действительность, не понимают, в каком обществе живут... А в конце 80-х, когда началась перестройка, я следил за тем, что происходило в Советском Союзе — отзывался на это, критиковал какие-то вещи. Но я в перестройку, в отличие от многих других эмигрантов, моих коллег, поверил...». В своих публицистических выступлениях Войнович, как и Александр Галич, несколько раз обращается к творчеству Бориса Пастернака. Одна из таких программ «Культура. Судьбы. Время» выходит в эфир в 1983 г. В этот год РС посвящает ряд передач 25-летию присуждения Борису Пастернаку Нобелевской премии по литературе. Ведущий передачи перед выступлением Войновича напоминает, что через два дня после присуждения премии Пастернаку, писатель был обозван в «Литературной газете» *Иудой*, исключен из союза писателей, а потом был вынужден написать письмо, где публично и якобы добро-

вольно отказывался от премии. Говорит Владимир Войнович: «Ходит слух, что скоро выйдет роман «Доктор Живаго». Борис Пастернак писал его много лет, закончив в 1950-х гг. ... В 1957 г. роман был опубликован итальянским издательством, в 1958 г. автору романа была присуждена Нобелевская премия. Это была сенсация, которая застала врасплох всех, включая самого лауреата. Шведской академии, присудившей эту премию, Пастернак послал телеграмму — «бесконечно благодарен, тронут, горд, удивлен, смущен». Под двумя последними определениями могли бы подписаться и советские власти... Из советских газет на седую голову лауреата обрушился поток дряни и грязи. Погромным и позорным было и собрание союза писателей — роману обещали место на свалке истории. С тех пор прошло 25 лет, давно умер создатель романа, ушли в мир иной многие из его гонителей. А роман издается, переиздается и сейчас относится к одной из самых популярных книг в мире... Самоуверенные советские правители думают, что они могут управлять всем, в том числе, и литературой. Но успехи, управляемой и награждаемой литературы, не больше, чем успехи управляемого сельского хозяйства. И там и там героев социалистического труда много, а результат плачевный. Но в литературе все-таки положение лучше. В ней все-таки время от времени, появляются писатели, которых можно давить, но управлять ими бесполезно...»⁵⁵. В этом же году в программе «Культура. Судьбы. Время» Войнович в очередном политическом радиопельетоне рассуждает о «невозвращенцах»: «Что такое Малый театр? Это Большой театр после заграничных гастролов. Но шутки шутками, а люди бегут. Артисты, дирижеры, режиссеры, гроссмейстеры, заслуженные мастера спорта, доктора всевозможных наук, орденосцы, лауреаты, депутаты, дипломаты и, само собой, работники КГБ... Казалось бы, какие люди!.. И в местной партийной организации его проверяли. И на райкоме характеристику утверждали. И выездная комиссия ЦК и КГБ всю его подноготную бдительно изучала. И все у него, как говорится, было в ажуре. И социальное происхождение, и служебное положение. Политически выдержан, морально устойчив. Производственные задания выполняет. В субботниках участвует. Жене не изменяет. Судимостей, выговоров и венерических болезней не имеет, партийные взносы вносит вовремя... И вот, имея такие прекрасные по всем статьям показатели, человек все же бежит...»⁵⁶. В 1984 г. в программе «Культура. Судьбы.

⁵³ Из интервью автора исследования с Владимиром Войновичем (2010 г.).

⁵⁴ Бережкова С. Свобода как осознанная необходимость // Бюллетень инновещания. 1992. № 3. С. 3.

⁵⁵ Аудиоархив РС в Праге, 1983 г. Диск: OksanaRA-351/4. Порядковый №83/10-11/31-01b.

⁵⁶ Аудиоархив РС в Праге, 1983 г. Диск: Oksana RA-348/1. Порядковый №83/11/18-19a.

Время» Войнович выступает с радиопельетоном, тема которого — переядание, как причина дефицита продуктов в СССР⁵⁷. В 1986 в программе «Писатели у микрофона» Войнович рассуждает о квартирном вопросе и честности коммунистов⁵⁸. В 1987 г. в аналитической программе «Поверх барьеров» Войнович беседует о реабилитации писателей, где рассуждает о том, что советская литература всегда была «чувствительна к колебаниям политического климата»⁵⁹. Попытки либерализации советского общества, говорит Войнович, в первую очередь, сказываются на литературе, но «повесть живущего в Москве Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки» не издается и представить себе ее изданной даже сейчас я не могу»⁶⁰ — подчеркивает писатель. Войнович: «Сегодня подвергается критике Ждановщина... Жданов в 46-м году публично обрушился на Михаила Зощенко и Анну Ахматову с мерзейшими, хулиганскими и непристойными нападками... Другой ценитель литературы — Семичастный, в то время секретарь ЦК Комсомола, а затем председатель КГБ, выступая против Пастернака, называл его шавкой и свиньей... Все эти словоизвержения сопровождалось затем секретными или не секретными циркулярами, после чего обруганные авторы приговаривались, по выражению Лидии Корнеевны Чуковской, «к несуществованию»... Сегодня в период расцвета гласности есть целая группа писателей, о которых по-прежнему нельзя сказать доброго слова и которых, как и раньше, можно называть прислужниками империализма, лакеями международной реакции, предателями, клеветниками или сравнивать их с отвратительными животными и насекомыми... Совсем недавно в «Литературной газете» от 30 сентября появилась статья о новых играх отщепенцев, где досталось нескольким живущим за границей писателям, в том числе, и мне. Советские пропагандисты говорят, что мы стараемся сделать все, чтобы перестройка не состоялась. Это ложь. Я за перестройку, я за то, чтобы она продолжалась и развивалась по возможности безболезненно. Я приветствую каждый шаг на пути преодоления сталинизма. Я радуюсь снятию запрета с любого имени... Писателей эмигрантов реабилитируют обычно только через много лет после похорон. Из этого правила я пока знаю только одно исключение — о писателе Викторе Некрасове еще недавно в журнале

«Крокодил» злорадно сообщали, что он исписался, выброшен своими хозяевами из ЦРУ... Но за два дня до своей смерти в Париже Некрасов прочтет о себе первый робкий доброжелательный отзыв. Так что некоторый прогресс все же имеется... Раньше признание приходило к опальным писателям после смерти, а теперь его удостоился умирающий»⁶¹. В том же 1987 г. свое выступление в программе «Писатели у микрофона» Войнович посвящает памяти писателя, сотрудника РС Виктора Некрасова. Войнович как бы оппонирует редакции «Московских новостей», где появился *сдержанный* некролог Некрасову: «Некрасова сначала исключили из партии (он вступил в нее во время войны), потом из Союза писателей, затем наступил период непрерывных издевательств. КГБ учиняло обыски, похожие на погромы... В 1974 г. Некрасов покинул Советский Союз под давлением, которое выдержать редко, кто может... В некрологе в «Московских новостях» добавлена ложка дегтя — что, конечно, все хорошее написано Некрасовым между 46 и 74 годами, то есть на родине, а уже после того, иначе ведь и не бывает, ничего интересного он не написал. Я вижу, что некоторым хочется утвердить мысль, что писатель за границей неизбежно кончается... Я, как и авторы некролога, считаю «В окопах Сталинграда» самой значительной книгой Некрасова. Но это не мешает любить мне и другие его книги, повести, рассказы и путевые очерки, написанные по «обе стороны стены». А еще один жанр, в книгах не уместившийся, — это его беседы, с которыми он регулярно выступал вот здесь, по «Радио Свобода». Эти беседы обо всем, вольные, безыскусные, полные юмора или горечи, всегда отличались таким обаянием, что не зря знакомые мне москвичи послушать их выезжали за город, где не так досаждают глушилки»⁶². У микрофона РС Владимир Войнович полностью прочитал свой роман «Москва 2042», пьесу «Фиктивный брак», разные рассказы и сказки, которые иногда специально писал для РС. По словам Войновича РС повлияло на перемены в СССР, «на умы советских граждан». В ходе работы на РС у Войновича, по его собственному признанию, возникали конфликты с руководством на финансовой почве. Несколько раз он бросал выступления на РС и возвращался в редакцию на новых условиях. По мнению Войновича, на РС всегда концентрировалось много писателей, потому что литераторы в эмиграции оказались оторванными от своей аудитории: «Я благодарен РС, что у меня была многомиллионная аудитория, к которой я мог обращаться... Писательские выступления очень

⁵⁷ Аудиоархив РС в Праге, 1984 г. Диск: Maja RA-273/6. Порядковый №84/02/03-04с.

⁵⁸ Аудиоархив РС в Праге, 1986 г. Диск: RA-477/3. Порядковый №86/10/18-19.

⁵⁹ Аудиоархив РС в Праге, 1987 г. Диск: Alina RA-55/2. Порядковый №87/10/24-25.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Аудиоархив РС в Праге, 1987 г. Писатели у микрофона. Диск: RA-477/5. Порядковый №87/09/26-27.

отличались в эфире РС от других выступлений — определенной живостью изложения, парадоксами... Особенно в тех условиях полного отсутствия гласности и свободы слова, слово писателя стоило гораздо больше, чем сейчас. Сейчас на РС много ярких журналистов, в то время таких не было. Я недавно выступал по РС и я им сказал: в ваших интересах, чтобы здесь свирепствовала цензура, чтобы вас отсюда выгнали, и тогда к вашим передачам внимание сильно усилится. Сейчас я выступаю редко, но не отказываюсь, потому что это все-таки та аудитория, к которой я привык»⁶³. Вместе с Войновичем и Довлатовым в программе «Писатели у микрофона», как уже упоминалось, принимали участие Виктор Некрасов, Василий Аксенов, Владимир Максимов, а также Юз Алешковский⁶⁴, который выступает на РС с 1980-х гг. по сей день.

Виктор Некрасов⁶⁵ был внештатным сотрудником парижского бюро РС в 1974-1987 гг. В середине 1970-х был приглашен другим писателем, сотрудником РС Владимиром Максимовым на должность заместителя главного редактора журнала «Континент» (1975-1982). Кроме программы «Писатели у микрофона», он принимал участие в программе «Культуры. Судьбы. Время», часто рассуждал об эмигрантской литературе, одно из его самых интересных выступлений в этой передаче посвящено книге воспоминаний Лидии Жуковой «Эпилоги». Некрасов рассказывает, как на симпозиуме об эмигрантской литературе в Вермонте, Жукова рассказала ему о своих встречах с Мейрхольдом, Хармсом и Ахматовой и подарила свою книгу: «Со всеми-то она дружила... Какие это были все умные, неординарные, талантливые люди и как не нужны советской власти. Художники, поэты, живые люди, правда, живыми им недолго дали просуществовать. В какой свалке, именуемой братской могилой, нашли свой конец Олейников и Хармс, никто не знает и никогда не узнает. Другие чудом выжили, но расправить плечи уже не могли, в лучшем случае, как автор самой книги оказались в Нью-Йорке, далеко-далеко от города своей юности»⁶⁶. В программе «Писатели у микрофона» в 1986 году Некрасов рассказывает об орденах и о том, как он стал «шевалье», рыцарем французского ордена искусства и

литературы: «Бог ты мой, как любили мы на фронте ордена. Не расставались с ними ни днем, ни ночью... Лауреатский значок, тогда еще с профилем Сталина, мне без лишних слов выдали в окошечке мхатовского администратора товарища Михальского. Прошли годы, чтобы быть точным сорок лет... Высокие мои награды полузабытые хранятся в той самой лакированной шкатулке и, вдруг, на 12-ом году моей парижской жизни получаю письмо от министра культуры месье Ланга, извещающее меня, что я награжден орденом «искусства и литературы». А скоро в аккуратном картонном рулоне пришел и красивый диплом, в котором извещается, что я возведен в звание шевалье, рыцаря, этого самого ордена. И стало мне очень приятно и гордо. Шевалье — красиво. Посмотрел в справочнике — орден зеленая изящная звездочка на зеленой полосатой ленте. И стал я получать поздравления от разных префектов и мэров и ждать, когда же и где мне будут вручать орден... Проходит месяц, полгода, никуда никто не вызывает. И отважился я осведомиться у одного моего французского друга, как и где происходит эта, почему-то до сих пор не происходящая, церемония. Право не знаю, по-моему, его сами покупают. Кто сами? Награжденные. Я слегка обомлел, спустя какое-то время, проходя мимо лавочки, торгующей орденами, а тут их сколько угодно, можно купить хоть «звездочку советского союза», я, потоптавшись, вошел и с некоторой опаской спросил у дамы, сидящей за прилавком, какова цена этого знака отличия? Она вынула коробочку, глянула на обороте и сказала, шестьсот франков... Когда-то за 400 франков, я купил толстого в папке с прекрасными иллюстрациями, отпечатанного чуть ли не в Милане — Валентина Серова. Посоветуйтесь с друзьями, обычно они складываются и к рождеству преподносят вам орден. Теперь жду Рождественских праздников и нового года. Друзья пока ничего не знают, а потом, узнав, начнут перезваниваться... А мне, ей богу, было жалко этих шестисот франков, лучше уж потрачу на Левитана, в нашем книжном магазине сказали, что такой же как Серов, был и Левитан. А еще лучше — скоро выйдет прекрасный двухтомник «Мира искусства» и я не устою. А потом длинными зимними вечерами, сидя на диване, начну листать эти два тома. Добужинский, Бенуа, Сомов, Остроумова-Лебедева, Бакст, Билибин... Сижу и листаю и не один вечер и не два, а весь остаток жизни. А друзей своих прошу называть меня теперь не товарищ, не господин, не месье, а шевалье...»⁶⁷. Виктор Некрасов поднимает в своих выступлениях темы — взаимоотношения писателя

⁶³ Из интервью автора исследования с Владимиром Войновичем (2010 г.).

⁶⁴ Юз Алешковский (1929) — автор книг «Карусель» (Миддлтаун, 1983), «Смерть в Москве» (Н-Й., 1985) и др.

⁶⁵ Виктор Некрасов (1911-1987) — автор книг «В окопах Сталинграда» (Франкфурт-на-Майне, 1981), «Саперлипопет...» (Лондон, 1983), «По обе стороны стены» (Нью-Йорк, 1984) и др.

⁶⁶ Аудиоархив РС в Праге, 1983 г. Диск: Oksana RA-348/1. Порядковый номер: 83/11/18-19а.

⁶⁷ Аудиоархив РС в Праге, 1986 г. Диск: RA-477/3. Порядковый №86/10/18-19.

и государственной власти, потребности человека в свободе творчества и др. Также как и в эмигрантской прозе, в выступлениях Некрасова много риторических вопросов. Жанр выступлений, также как и прозы, был обусловлен особенностями мировосприятия Некрасова: «стремлением воссоздать непосредственную искреннюю реакцию на событие и доверительным отношением к читателю»⁶⁸, слушателю. Отвечая тем, кто обвинял его в «лживой клевете», Некрасов говорил: «Значит, есть и правдивая? Грубая? Значит, есть и нежная?.. Но шутки шутками, а если говорить серьезно, долг каждого честного человека, оказавшегося в условиях, в которых оказался я, пользоваться каждым подвернувшимся случаем, чтоб говорить и доносить правду до тех, кто лишен возможности знать ее...»⁶⁹. Такой возможностью стали для писателя выступления на РС.

С 1980 г. до середины 1990-х гг. у микрофона РС выступал **Василий Аксенов**⁷⁰. В архиве радио хранится несколько сотен аксеновских чтений и вступлений. Первое выступление писателя после отъезда на Запад в 1980 г. — Аксенов **беседует с аудиторией Института восточных языков в Париже. Одна из ключевых мыслей выступления Аксенова в том, что русскую литературу следует оценивать в ее целостности — в метрополии и в эмиграции**⁷¹. В 1983 г. РС отмечало 15-летие советского вторжения в Чехословакию серией специальных программ. В те же самые дни августа 1968 г., по словам писателя Василия Аксенова, произошло еще одно аналогичное событие, прошедшее, однако, незамеченным⁷². В связи с этим Аксенов читает свой рассказ «Карадаг-68 из книги Радиоэссе». На примере этой записи можно рассуждать о том, что Аксенов не превращается у микрофона в публициста, он выступает на радио в привычном для себя амплу писателя. Радиоэссе о Карадаге — художественная проза с лирическими отступлениями, множеством метафор, точно передающая атмосферу и настроение места и времени. Аксенов пытается придать своей

беседе *интерактивность*. Он говорит в конце передача — «присылайте детали» и др. Аксенов в 1980-е гг. регулярно читает свои произведения по РС, в 1985 г. фрагменты книги «В поисках грустного бэби». В 1987 г. в программе «Писатели у микрофона» Аксенов сравнивает советские шестидесятые с современной советской культурной ситуацией, завершает программу выступление Сергея Довлатова на тему — «Кому на Руси жить хорошо?»⁷³. В 1987 г. в программе «Писатели у микрофона» Аксенов беседует на тему «Заляпанное стекло» — о русских писателях за рубежом в отражении гласности: «Этим летом в Копенгагене один писатель рассказывал мне о своей недавней поездке в Москву, он был под впечатлением происходящих перемен... В Союзе писателей на улице Воровского он встретился с несколькими ответственными людьми, к сожалению, он не запомнил. Для скандинавского человека русские имена звучат труднее, чем исландские. В общем, я им сказал, продолжал он, это прекрасно, друзья мои, что вы сейчас печатаете Набокова и Замятина, а вот как насчет нынешних эмигрантов? Тут лица собеседников посуровели: с нынешними эмигрантами дело обстоит сложнее, дорогой скандинавский друг, это народ пестрый, среди них есть такие типы... А дальше, не без юмора продолжал он, дальше, сэр, было упомянуто ваше имя. Среди них, говорят они, есть такие типы, как, например, Аксенов, это, знаете ли, тип. Жил, понимаете ли, припеваючи, наслаждался всеми возможными привилегиями, печатал все, что писал в наших издательствах, а потом решил на Запад отчалить, чтобы и там нахапать побольше — хоть и неплохой писатель, но тщеславный, корыстный человек... Мой собеседник смотрел на меня внимательно — вы можете что-нибудь сказать по этому поводу?». Аксенов продолжает рассказ: «Иногда кажется, что клевета в условиях гласности приобрела более товарный вид... Своим успехом на Западе слово «гласность» обязано созвучию с английским «глас», что означает стекло. У западного человека это слово ассоциируется с понятием прозрачности. Чудесные времена — железный занавес заменяется прозрачным занавесом... Если раньше говорили о степени непроницаемости, то сейчас уже речь идет о степени прозрачности, о качестве стекла, его заляпанности масляными или грязевыми пятнами, о смыываемости этих пятен. Нынче приказано говорить обо всем, но приказано все теми же, кем еще недавно было приказано не говорить. И этим отчасти объясняется то, что если в печать прорывается что-то касающееся культурной эмиграции — всегда это

⁶⁸ Зубарева Е.Ю. Проза русского зарубежья (1970-1980-е гг.). М.: Изд-во МГУ. С. 36.

⁶⁹ Некрасов В.П. Записки зеваки: Роман, повести, эссе. М., 1991. С. 179.

⁷⁰ Василий Аксенов (1932-2009) — автор книг «Остров Крым» (Анн Арбор, 1981), «Поиски жанра» (Франкфурт-на-Майне, 1986), «В поисках грустного бэби: книга об Америке» (Н-Й, 1987), «Затоваренная бочкотара» (Н-Й, 1980), «Ожог» (Анн Арбор, 1980), «Скажи изюм» (А-А., 1985) и др.

⁷¹ Аудиоархив РС в Праге, 1980 г. Порядковый №80/07/31.

⁷² Аудиоархив РС в Праге, 1983 г. Диск: MajaRA-266/7. Порядковый №83/09/03-04b.

⁷³ Аудиоархив РС в Праге, 1987 г. Писатели у микрофона. Диск: KS-80/4. Порядковый №87/01/10-11.

что-то опошляется... Аксенов всюду отработывает свою американскую визу, ну а Владимирова основная забота — выхлопотать несколько сотен натуральных марок. Волей или неволей распространяется все та же дезинформация...»⁷⁴. Литературную хронику 1987 г., последнего года, когда глушилось вещание РС, составляет в эфире историк, сотрудник РС Владимир Тольц, среди основных событий он упоминает: «Группа эмигрантов обращается к советским властям с открытым письмом, требуя, в ответ на приглашения вернуться в страну, гарантий необратимости перестройки. (Письмо напечатано газетой «Московские новости» 29 марта, среди авторов РС его подписали: Василий Аксенов, Владимир Буковский, Владимир Максимов и др.); Московский театр «Эрмитаж» объявляет о готовящейся постановке пьесы Александра Галича; в Советском Союзе, среди прочих публикаций, напечатаны эмигранты Владислав Ходасевич, Владимир Набоков, Игорь Северянин, Александр Бахрах, Иван Шмелев, Иосиф Бродский»⁷⁵.

РС регулярно посвящало свои передачи *Иосифу Бродскому*⁷⁶, начиная с ленинградского суда над ним. В 1972 г. Бродский был фактически выслан из Советского Союза, в 1987 г. он получил Нобелевскую премию, пятый в ряду русских писателей и четвертый из них за книги, запрещенные на его родине. Какое-то время советская пресса об этом молчала, однако благодаря РС и другим иностранным коротковолновым радиостанциям новость просочилась в страну, и, в конце концов, власти были вынуждены признать факт награждения. На РС Бродский не работал, но регулярно выступал, в том числе, с чтением своих стихов. В марте 1977 г. Бродский дает одно из своих первых интервью РС. Программу «Гость недели» ведет Владимир Юрасов. Во вступлении программы Юрасов рассказывает, что Иосиф Бродский живет в США, что в американских и русских зарубежных изданиях печатаются его стихи, эссе, переводы и исследования, что поэт преподает в университете Мичиган в Анн-Арбор, читает лекции в других университетах и колледжах. Юрасов продолжает: «Недавно один наш сотрудник нью-йоркского отдела РС посетил Бродского в его доме

в городе Анн-Арбор, разговорились...»⁷⁷. В интервью РС поэт рассказал о своей работе, об американской поэзии, о Советском Союзе. Беседа записана на ленту, поэтому Юрасов перечитывает вопросы, заданные Бродскому сотрудником РС, и некоторые фрагменты разговора, еле слышные на записи. Поэт говорит быстро, отрывочно, образно, иногда вставляя английские выражения. Юрасов: «А какое впечатление производят на вас ваши американские студенты?». Бродский: «Те, кто приходит ко мне — они более или менее люди в некотором смысле с подвинутым сознанием, люди, которых интересует поэзия... Я думаю, что жаловаться на них не приходится. Пропорция посредственности и гениальности она всегда одна и та же...»⁷⁸. Иосиф Бродский ответил на вопрос, отличается ли система американского высшего образования от советской: «Система образования, в конечном счете, как и все, есть лишь отражение тех принципов, на которых создано общество. Основная русская идея, что, в общем, мир — сам по себе, то есть он несколько враждебен по отношению к себе, и единственное такое место, где ты действительно, более или менее, в безопасности — это твой дом, поэтому русский человек вырабатывает довольно стремительным образом, я бы сказал, какую-то свою модель мира на чрезвычайно раннем этапе своего развития. У русского человека всегда очень сильные strongopinions, у него очень сильные предубеждения и принципы, если угодно, эстетические... Я помню, что когда мне было 20 лет, я знал, что есть гениальная поэзия и что есть не гениальная поэзия... Американская поэзия требует к себе несколько иного отношения, чем русская. И это совершенно не потому, что я, в конечном счете, иностранец в Америке... Здесь несколько иная традиция, потому что в России мы все-таки все помним, на нас производят впечатление строчки, пластика, в то время как в американской поэзии главную роль играет даже не столько пластика самая, сколько содержание. Форма в американской поэзии играет несколько второстепенную роль...». В заключении своего интервью Бродский обращается к аудитории РС: «Что я могу сказать русскому народу? Терпимости... Вот что может единственное его спасти... Пропаганда насилия, чьей то правоты и чьей то неправоты — это чудовищная вещь... И когда говорят, что одна система лучше другой системы — это сеет довольно скверные зерна...»⁷⁹. В программах РС Бродский читает свои стихи и статьи, рассуждает о современной советской

⁷⁴ Аудиоархив РС в Праге, 1987 г. Диск: RA-477/5. Порядковый №87/09/26-27.

⁷⁵ Цитируется по аудиоматериалу, подготовленного И.Толстым для исторического цикла «Полвека в эфире», посвященного 50-летию РС // <http://archive.svoboda.org>

⁷⁶ Иосиф Бродский (1940-1996) — автор книг «Стихотворения и поэмы» (Н-Й.,1965), «Конец прекрасной эпохи» (Анн Арбор, 1977), «Урания» (Анн Арбор, 1987), «Остановка в пустыне» (Анн Арбор, 1987) и др.

⁷⁷ Аудиоархив РС в Праге, 1977 г. Диск: RA-1273/4. Порядковый №77/03/06-07b.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

литературе и литературе изгнания. С точки зрения русского литературного наследия за рубежом, автору исследования кажется несомненно важным представить здесь беседу Бродского и Довлатова об Анне Ахматовой в эфире программы «Поверх барьеров». Текста этой программы, как и многих других, приведенных в работе, ранее не существовало, была единственная возможность — прослушать записи в архиве РС в Праге. Вот разговор, который состоялся в 1986 г. между писателями, приуроченный к 20-летию со смерти Анны Ахматовой, за год до присуждения Бродскому Нобелевской премии. Запись беседы была повторена на волнах РС через неделю после вручения поэту премии. Бродский был одним из ближайших друзей и любимых учеников Анны Ахматовой. Анна Андреевна посвятила ему несколько своих стихотворений, а он, в свою очередь, написал небольшую поэму «Сретенье», многими внутренними нитями связанными с памятью Ахматовой. Бродский читает поэму, потом объясняет: «В этом стихотворении образ Симеона до известной степени образ Ахматовой — в моем сознании. Кроме того, в этом стихотворении пророчица Анна и роль человека, связующего новый мир со старым, это, разумеется, роль Ахматовой, то есть роль поэта в некотором роде, в обществе»⁸⁰. Продолжение программы: «Довлатов: Я обратился к поэту Иосифу Бродскому, который был в преклонные годы Ахматовой — одним из ее ближайших друзей, которому она посвящала стихи и на которого возлагала огромные надежды, с просьбой рассказать о последних днях Анны Ахматовой. У микрофона Иосиф Бродский. Бродский: Я помню обстоятельства, связанные со смертью Анны Ахматовой. Она умерла после третьего инфаркта. Я помню ее в больнице на Беговой в Москве. Я помню я приехал в Москву и отправился сразу с вокзала в больницу... Уже в коридоре я услышал ее голос, я быстро поднялся по ступенькам, я поздоровался, она сказала: «Иосиф, я не понимаю, какое чудо я еще должна совершить? Я хожу по коридору, по лестнице, пишу и читаю без очков, непонятно какое чудо я еще должна совершить, может быть родить близнецов?». И, действительно, когда мы вошли в палату, у нее на тумбочке рядом с постелью, лежала открытая книжка — это был, между прочим, роман Джона Ле Карре «Шпион, который пришел с холода» очков, действительно, не было. Она пролежала в больнице недели полторы или две, после чего ее перевезли на Ордынку, где она во время своих наездов в Москву в те годы останавливалась. Проведя там недели две, ее

повезли в санаторий, по-моему, это было в Болшево. В этом санатории она и умерла. Мы все знали, что у Ахматовой больное сердце. К тому времени, когда мы познакомились, у нее уже было два инфаркта... Все годы, что я ее знал, шел на встречу с ней — у меня валидол был в кармане. Когда Анна Ахматова умерла, возникла проблема, где ее хоронить. Кончилось дело тем, что после осмотра нескольких мест в Царском селе, с Мишей Ардовым мы ездили, мы решили, что самое разумное будет, если Ахматова будет похоронена в Комарово, то есть там, где она жила последнее десятилетие... Единственное требовалось разрешение на то, что она может быть там похоронена. Мы столкнулись с рядом трудностей. В тот момент, когда происходило в Никольском соборе отпевание, разрешение еще не было получено. Дело в том, что все это было сопряжено именно с репутацией Ахматовой. В соответствующих организациях возникло определенное сопротивление, Ахматова являлась в глазах властей существом одиозным, предполагали, что начнется паломничество к этому месту. За час до конца панихиды, я стоял на кладбище в снегу, пытаюсь убедить рабочих, чтобы они начали копать, разрешение в последнюю минуту было получено и они принялись, воодушевленные двумя бутылками понятно чего...»⁸¹. Незадолго до смерти Анна Ахматова побывала в Италии и Англии, ее творчество стало предметом изучения на кафедрах славистики всего мира. Отметив все это, Сергей Довлатов задал Иосифу Бродскому вопрос, чем Бродский объясняет тот факт, что «Ахматова не только не вошла в пантеон официальной советской литературы, но и не была удостоена самой престижной в мире нобелевской премии». Бродский: «Это все довольно не просто... Большая часть ее жизни, 20-е, 30-е, 40-е, 50-е годы — практически четыре десятилетия поэт выпал из колеи... Признание происходит в самом конце карьеры и жизни поэта. На Западе в публикациях, диссертациях — упор делается на начало ее поэтической карьеры. Стихи 30-40-50-х годов они были не известны тем на Западе, кто писал о ней. Как правило, ее всячески пытались пристегнуть, она очень сильно этому противилась, именно к 10-м годам, знаменитому Серебряному веку... Ахматова и Роберт Фрост одновременно были кандидатами на Нобелевскую премию. Фрост приехал в Советский Союз в тот самый год, в который меня посадили. И как раз я сижу в камере и вижу кусок газеты, где написано, что Фрост в Ленинграде. В том году ничего не получилось, премию получил Стейнбек. Я помню, я тогда сильно взбесился...». Довлатов: «Мне кажется, Иосиф Брод-

⁸⁰ Аудиоархив РС в Праге, 1987 г. Диск: Alina RA-55/2. Порядковый №87/10/24-25.

⁸¹ Там же.

ский прав. При всем моем уважении к Нобелевскому комитету далеко не каждое его решение представляется мне верхом объективности. Ахматова не была удостоена Нобелевской премии, зато ее получил Михаил Шолохов, написавший за 30 лет до этого глубокий и сильный роман «Тихий Дон», но не создавший впоследствии ничего значительного. С особой досадой я хочу отметить то, что не был удостоен этой награды и Владимир Набоков. Поэтому можно, я думаю, разделить ощущение досады, которое возникло у Иосифа Бродского в связи с тем, что нобелевский комитет предпочел Джона Стейнбека, кстати сказать, замечательного прозаика, двум великим поэтам Ахматовой и Фросту». Бродский: «Они встречались. Фрост приехал. Их встреча была организована на даче у академика Алексева в Комарово, потому что в той будке, где Ахматова жила — принимать Фроста было бы невозможно. На даче у академика Алексева был устроен прием, была масса посторонних лиц. Ахматова довольно забавно рассказывала мне обо всем этом. Происходит встреча. И Фрост спрашивает: а скажите, мадам, что вы делаете с деревьями на вашем участке? Я, например, говорит Фрост — делаю карандаши. Ахматова сказала мне: напротив меня сидит человек, который обвешан всеми возможными наградами, как призовой пес, и сижу я — обвешанная всеми собаками, которых возможно повесить на человека. И вот он меня спрашивает, что я делаю с деревьями на моем участке, я долго крепилась, но когда он меня это спросил, я сказала: Господин Фрост, если я срублю дерево на своем участке, я должна буду заплатить 6 тысяч рублей. (Смеется)... Мы потом еще долго гадали, понял ли он...»⁸². Творчеству Бродского посвящено множество передач РС, среди них передачи разных жанров: информационные, аналитические и документально-художественные. По мнению автора, наибольший интерес исследователей истории русского зарубежья, могут вызвать программы РС, где Бродский беседует с другими писателями-эмигрантами, интересны рассуждения Бродского в эфире о русской и американской прозе и поэзии, а также программы, где его интервьюирует другой писатель русского зарубежья Петр Вайль⁸³.

В 1974 г. под давлением западного общественного мнения разрешили эмигрировать *Александр Галичу*⁸⁴.

⁸² Там же.

⁸³ Расшифровку одной из таких программ см. подробнее: Бродский И. Книга интервью. М., 2008. С. 594.

⁸⁴ Александр Галич (1918-1977) — автор книг «Песни» (Франкфурт-на-Майне, 1969), «Поколение обреченных» (Ф., 1972), «Генеральная репетиция» (Ф., 1974), «Когда я вернусь» (В., 1986) и др.

В 1970-1980-е гг. вновь важно отметить цикл интервью Владимира Юрасова с новопривывающими эмигрантами, которые он продолжает делать почти что с начала существования РС. В 1975 г. в Нью-Йорке Александр Галич дает интервью Юрасову для информационно-публицистической программы «О чем спорят, говорят?», где делится своими впечатлениями от Америки: «Самое главное и самое удивительное впечатление — несмотря на то, что я читал книгу Ильфа и Петрова, это «Одноэтажная Америка»... Вот Манхэттен немножко отдаленно, похож на ту Америку, которую мы себя представляем по фильмам, по книгам. А вся остальная Америка она значительно прекраснее, естественнее... Это, пожалуй, первая в мире страна и может быть единственная, которая, несмотря на все свои расовые проблемы, сумела создать из десятков наций американца... Мне выпало великое счастье — я имел несколько концертов среди представителей русский, живущих в Америке. И я понимал, что я выступаю перед американцами, но сохранившими интерес к русской культуре и языку... Я думаю, что мы, приехавшие, с нашей советской нетерпимостью, воспитанные в условиях знаменитой формулы — тот, кто поет сегодня не с нами, тот поет против нас... Мы должны обязательно для того, чтобы Запад нас услышал, для того, чтобы Америка нас услышала, чтобы она не отвернулась от нас, мы должны научиться с нею разговаривать, мы должны отбросить нашу партийную нетерпимость... Потому что в принципе в основах нравственности, добра, чести, правды, они с нами согласны...»⁸⁵. Через несколько недель после этого интервью Галич становится штатным сотрудником РС: «Я очень этому рад. Хотя не могу не вспомнить один смешной эпизод. Примерно в 62-м году я был в поездке по Германии, по Мюнхену, и вот проезжая мимо здания РС, шофер притормозил и гид нам сказал трагическим шепотом: а здесь вот, товарищи, находится РС. И мы все замерли, я помню, как все замолчали. И мне сегодня очень смешно, когда я вспоминаю этот эпизод... Мог ли я тогда подумать, совсем недавно, что я буду на этой станции. На станции замечательной, потому что она, собственно, борется за нравственность... Она продолжает борьбу за правду, за гласность, за нравственные принципы человечества. Для меня работа на РС значит очень много. Так получилось, что не только мое имя знают в Советском Союзе, знают мой голос. И вот мой голос будет приходиться туда часто, когда я делаю свои передачи, он будет возвращаться к моим друзьям, а они его будут слушать, потому что, пожалуй, это наиболее важное,

⁸⁵ Аудиоархив РС в Праге, 1975 г. Диск: RA-946/9. Порядковый №75/04/04-05.

что я могу сделать сейчас здесь, находясь за рубежом. Это, с одной стороны, рассказывать своим друзьям обо всем, что происходит здесь, что я вижу здесь, и, с другой стороны, размышлять вместе с ними...»⁸⁶. Галич непродолжительное время был главным редактором русской службы РС. Проработал он на РС до 1977 г., радовал свою аудиторию еженедельной программой, где комментарии чередовались с исполнением под гитару старых и новых песен. В одной из своих первых передач он спел «Старательский вальсок» и обратился к радиослушателям с призывом: «Все знакомые и незнакомые, на Востоке и на Западе, прошу вас — не молчите!»⁸⁷. Песни Александра Галича расценивались пропагандой как абсолютно антисоветские, разрушительные для государства и коммунистической идеологии. Поэтому они распространялись по стране исключительно в самиздате, попав после эмиграции автора под окончательный запрет. Александр Галич создает цикл передач, в которых исполняет свои старые песни и рассказывает о том, как они писались. В 1975 г. в программе «Культура, события, люди» Александр Галич беседует о симпозиуме писателей в изгнании в Мюнхене, размышляет о том, чего не хватает за границей, о своем возрасте: «Здравствуйтесь, дорогие мои друзья. Здравствуйтесь, дорогие мои слушатели в Советском Союзе. Я уже говорил вам, что я всякий раз очень волнуюсь, когда я сажусь перед микрофоном, понимая, что вот сейчас я буду разговаривать с вами. Понимаю, что кому-то из вас удастся меня услышать и рассказать, может быть, другим о моей передаче. Я всегда пытаюсь разговаривать с вами так, как говорили мы когда-то, когда мы встречались лично, а не выражаясь торжественно, в эфире. На днях мне довелось принимать участие в устроенном Баварским союзом писателей вечере, посвященном литературе в изгнании. И странное у меня было чувство — мы сидели за одним столом — писатели из Венгрии, из Чехословакии, из Польши, из Югославии, и, не сговариваясь, мы все говорили о том, как трудно нам, несмотря на то, что приняли нас на Западе хорошо... Но все-таки трудно, особенно трудно, когда идешь по улице и слышишь чужую незнакомую речь. **Дело не в том, что ты ее не понимаешь, а в том, что она для тебя, для твоей жизни, для твоей работы ничего решительно не значит.** Но самое удивительное, что тоскуя по этой речи, иногда вздрагиваешь, услышав речь родную... На днях, очень скоро, мне исполняется 56 лет. Я надеюсь, что кое-кто

чокнется со мною мысленно... Милые вы мои, вот вас мне очень не хватает здесь. Вас, с кем я привык за эти годы делить и радость, и горе. Радости, правда, в нашей жизни было маловато, а горя предостаточно. Впрочем, как знаете сами, случилась необыкновенная радость в этом месяце в октябре — Андрей Дмитриевич Сахаров получил Нобелевскую премию мира... Это единственный уникальный и неповторимый случай. А так мне сегодня немножко грустно, потому что, когда тебе исполняется 56 лет, ты понимаешь, что ты уже поехал с ярмарки и хочешь проверить, с пустыми руками ты уезжаешь или нет. И в заключении нашего краткого разговора, спою одну песню — написал я ее, еще живя в Москве на улице Черняховского. А вот все эти дни я почему-то вспоминаю эту песню... (поет «Вьюга листья на крыльцо намела»)⁸⁸. Галич часто в своих беседах обращается к запрещенной литературе и литературе изгнания, один из таких разговоров — об индексе запрещенных в СССР книг, выходит в аналитической программе «Права человека»⁸⁹. Несколько раз в эфире РС Галич обращается к творчеству Пастернака⁹⁰. В 1977 г. Галич в программе «По выставочным залам мира», посвященной выставке Марка Шагала, рассказывает о забытом, талантливом скульпторе Исааке Иткинде и встрече с ним в Алма-Ате⁹¹. Завершает он программу песней: «Вы такие нестерпимо ражные...». Эту беседу Галича можно было бы назвать журналистским этюдом. Он поворачивает главную тему программы (открытие выставки Шагала) таким образом, чтобы рассказать свою, интересную и важную для него, историю, при этом не отступая от основного сюжета. Кроме того, рассказывая о неизвестном слушателям скульпторе, он удерживает внимание до конца, в финале практически заставляя аудиторию плакать. Последняя передача состоялась 15 декабря 1977 г., в день его трагической смерти. В 1990 г. при содействии РС была издана книга избранных текстов и записей РС — «У микрофона Александр Галич»⁹².

В 1970–1980-х гг. важное место на радио занимали аналитические программы: «Культура, судьбы, время»,

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Цитируется по аудиоматериалу, подготовленного И. Толстым для исторического цикла «Полвека в эфире», посвященного 50-летию РС // <http://archive.svoboda.org>

⁸⁸ Аудиоархив РС в Праге, 1975 г. Диск: RA-1035/5. Порядковый №75/10/21-22a.

⁸⁹ Аудиоархив РС в Праге, 1975 г. Диск: RA-977/3. Порядковый №75/07/06-07d.

⁹⁰ См. подробнее: Богомолов Н.А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — С. 234.

⁹¹ Аудиоархив РС в Праге, 1977 г. Диск: RA-1417/3. Порядковый №77/11/18-19d.

⁹² У микрофона Александр Галич. Тенафлай: Эрмитаж-Радио Свобода, 1990.

«Шалом», «Не хлебом единым». С 1970-х гг. начинают идти специальные передачи, посвященные отдельным событиям, выходам новых книг, появлению новых людей на Западе. С середины 1970-х гг. и до середины 1980-х гг. в эфир выходят передачи об Андрее Сахарове. РС подробно освещало Сахаровские слушания, проходившие в конце 1970-х — начале 1980-х гг. в Копенгагене, Риме, Вашингтоне и Лиссабоне. Это были международные трибуналы, на которых эмигранты — бывшие советские диссиденты — перед лицом видных западных ученых и общественных фигур давали личные свидетельства о репрессиях в Советском Союзе и поддерживали петицию — «Московское обращение», которую подписали А. Сахаров, Е. Боннэр и многие известные диссиденты. Этот подпольный документ был вручен западным корреспондентам 13 февраля 1974 г., в тот самый день, когда Солженицына выслали из СССР. Они требовали опубликовать «Архипелаг ГУЛАГ», а также архивные документы, проливающие свет на деятельность тайной полиции, начиная с большевистской революции. Там же содержался призыв организовать международный общественный суд по расследованию совершенных режимом преступлений. РС выпускает специальную программу, посвященную присуждению Сахарову Нобелевской премии мира в 1975 г.⁹³ В разговоре приняли участие Виктор Некрасов, Владимир Максимов, Александр Галич и др. Писатели, ученые и общественные деятели рассказывали, как зародилась идея выдвинуть Сахарова на Нобелевскую премию мира, делились своими впечатлениями о вручении премии, обсуждали, что означает это присуждение для стран Восточной Европы. Фрагменты беседы: «Максимов: Стремительность событий, которая произошла в нашей жизни, я имею ввиду жизни моих друзей по родине и изгнанию, Галича и Некрасова, похожа на чудо. Кто бы мог предполагать два года назад, что тогда зародившаяся мысль о присуждении Сахарову Нобелевской премии — все же осуществится. И кто бы мог подумать, что через два года, мы, трое русских представителей, окажемся все здесь в Осло — на этой замечательной церемонии. Чтобы осознать это чудо — нужно время. Некрасов: Есть, что сказать. И серьезное, и грустное. Когда я вчера смотрел в зале университетском, расписанном норвежским художником Мунком, смотрел на трибуну, где стояла красивая, хорошо сказавшая свое слово Елена Боннэр-Сахарова. С достоинством, спокойная, уверенная — об этом событии и о ее муже. Я мысленно перенесся, прослушав ее слова, в город

Вильнюс, где в этот же самый день по непонятному и загадочному совпадению, Андрей Сахаров стоял на улице у суда, куда его не пустили и где судили его ближайшего друга Ковалева. И я представил себе Андрея Дмитриевича, человека бесконечной скромности, даже я, сказал бы, застенчивости, человека, которому здесь в торжественной обстановке в присутствии короля вручают заочно премию. И подумал о том, как этому тяжело человеку. Ему негде работать. К нему приходят люди с утра до вечера, а ему надо думать, ему надо писать, а ему просто физически негде. Он окружен провокаторами... Угрозы ему, угрозы его зятю. В то же время я считаю, что он самый счастливый человек на земле — потому что он служит примером, которому нам хочется следовать...»⁹⁴.

Регулярными с конца 1970-х гг. становятся выступления у микрофона РС правозащитницы, публициста *Людмилы Алексеевой*⁹⁵. Она сотрудничает с РС с 1977 г., редактор и ведущая передач о правозащитном движении в России и странах СНГ. Правозащитной деятельностью Алексеева начала заниматься с середины 1950-х гг., принимала участие в создании «Хроники текущих событий», член-основатель Московской Хельсинкской группы. Эмигрировав в США в 1977 г., стала зарубежным представителем Хельсинкской Группы. РС, по собственному признанию, Алексеева начала слушать в середине 1950-х гг. Среди своих самых интересных встреч на РС, Алексеева вспоминает встречу в нью-йоркском бюро с Сергеем Довлатовым и встречи в Италии с Александром Галичем. В интервью автору исследования Алексеева рассказала о своем первом выступлении на РС в Вене, в день приезда в эмиграцию: «Путь лежал так: Вена, там встречается организация, которая отправляет в Израиль, а кто не хочет — остается и отправляется в Америку. Мы приехали в Вену, это было 22 февраля 1977 г. Мы еще были в аэропорту, по радио говорят: Frau Alexeeva... Дальше я не понимаю, попросила кого-то перевести, мне объяснили, что вас ждут журналисты... Среди них был Георгий Борисович Фон Шлиппе, работник РС, немец, прекрасно говоривший по-русски. Он выступал под псевдонимом Юрий Мельников и у него был очень красивый голос, читал разные художественные произведения по-русски для нас слушателей... Он записал для РС мой рассказ о Хельсинском движении в Советском Союзе на магнитофон, тогда это был

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Людмила Алексеева (1927) — автор более ста брошюр и статей о правах человека, монографии «История инакомыслия в СССР» (М., 1992), мемуарной книги «Поколение оттепели» (М., 2006) и др.

⁹³ Аудиоархив РС в Праге, 1975 г. Беседа за круглым столом. Диск: RA-1056/3. Порядковый №75/12/13-14, 75/12/14-15.

огромный ящик с такими бобинами, на которые пленка накручивалась... Я рассказывала ему шесть часов, до тех пор, пока у меня полностью не сел голос...»⁹⁶. Фрагменты первого интервью Алексеевой прозвучали в разных программах РС. Несколько месяцев Людмила Алексеева провела в Европе, а потом ее пригласили в нью-йоркское отделение РС и предложили сделать серию передач о Хельсинских группах в СССР. Алексеева стала делать еженедельную десятиминутную передачу — всего в эфир РС вышло 22 такие передачи. Начиная с 1978 г. Алексеева вела еженедельный цикл, посвященный десятилетию Хроники текущих событий, которая стала выходить 30 апреля 1968 г. Алексеева продолжает: «Я проделала исследовательскую работу, как расширялось знание Хроники о происходящем в стране, как связывалась Хроника с разными независимыми общественными движениями, как расширялось ее знание о самиздате, и так далее. Я делала подсчеты, о скольких арестованных сообщала хроника, о скольких судах и т.д. К тому времени, как я заканчивала этот цикл, ко мне уже привыкли на радио и ведущая, Аля Федосеева, пригласила меня в свою аналитическую программу «Документы и люди». Это была получасовая программа, разбивавшаяся на три десятиминутных передачи... Она мне предложила в каждую из этих программ делать десятиминутную передачу о каком-нибудь политическом заключенном в СССР. У меня был материал о многих из них... Продолжала я этот цикл до самой перестройки... Я пыталась приурочить свои передачи к годовщине ареста или к годовщине суда или ко дню рождения политзаключенного... И, хотя, я об этом в принципе не говорила, но слушатели все быстро поняли, когда была какая-то годовщина политзаключенного, то все его родственники сидели у радио в надежде, что я расскажу о муже, брате... Когда началась перестройка, люди стали свободнее ездить, некоторые из них приезжали в Америку. Они обязательно приходили ко мне... РС было самым информационным радио из всех вещавших на Советский Союз зарубежных радиостанций. РС помогло правозащитникам сделать свою идеологию...»⁹⁷. Начиная с 1977 г. и до сих пор практически не было недели, чтобы Людмила Алексеева не выходила в эфир РС. Хотя она никогда не была штатным сотрудником РС, а только фрилансером. Среди изданных Алексеевой на Западе работ следует назвать брошюру «Вещание США на Советский Союз», где анализируются некоторые программы РС начала 1980-х гг.

⁹⁶ Из интервью автора исследования с Людмилой Алексеевой (2010 г.).

⁹⁷ Там же.

В 1980-е гг. на РС ведет передачи историк, политолог и литературный критик *Михаил Геллер*⁹⁸, работавший в парижском бюро РС. В своих разговорах, представляющих панораму литературной и политической жизни 1980-х гг., он размышлял об исторической роли эмиграции, писал рецензии на книги о русской культуре и на произведения русских писателей, а также писателей зарубежных, но чьи книги затрагивают русскую тему. Выступления Геллера собраны в книге «Разговоры о книгах: на «Свободе» — о свободе»⁹⁹.

В 1986 г. появилась отдельная программа о культуре «Поверх барьеров» — культурно-политический журнал. Ее инициатором, также как и литературной программы «Эклибрис» был *Сергей Юрьенен*¹⁰⁰, прозаик, штатный сотрудник РС с 1979 г. Сначала Юрьенен был комментатором и обозревателем в Париже, потом ответственным редактором по культуре в Мюнхене, позже помощником директора Марио Корти по культуре в Праге. Программу «Поверх Барьеров» к концу 1980-х гг. вели из Мюнхена Сергей Юрьенен, из Нью-Йорка — Петр Вайль, из Лондона — Игорь Померанцев. Сергей Юрьенен больше четверти века занимался на РС культурной тематикой и говорил: «РС находится между мирами и культурами»¹⁰¹. Среди программ, автором которых выступал Юрьенен: «Писатель на Свободе» — программа, совмещающая в себе несколько жанров: интервью, беседу и документально-художественные жанры; «Поверх барьеров»; «Кинодвадцатки», «Кинозал Свободы», «Концертный зал «Радио Свобода» — информационно-аналитические программы; «Говорит и представляет «Радио Свобода» — беседа; «Впервые по-русски» и «Эклибрис» — документально-художественные программы. На официальном сайте Сергея Юрьенена, перечислены все темы его передач, начиная с 1978 г. и заканчивая 2004 г. (увольнением с РС)¹⁰².

⁹⁸ Михаил Геллер (1922-1997) — автор книг «Концентрационный мир и советская литература» (Лондон, 1974), «Андрей Платонов в поисках счастья» (Париж, 1982), «Александр Солженицын» (Лондон, 1989) и др.

⁹⁹ Геллер М. Разговоры о книгах: на Свободе — о свободе / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2003.

¹⁰⁰ Сергей Юрьенен (1948) — автор книг «Вольный стрелок» (Париж-Нью-Йорк, 1984), «Сын империи» (Анн Арбор, 1986), «Нарушитель границы» (Париж-Нью-Йорк, 1986), «Скорый в Петербург» (1991), «Дочь генерального секретаря» (Москва, 1999), «По пути к дому» (Москва, 1977), «Текст ведущего, или содеянное на свободе (1977-2004)» (Франс-Тигеур, 2010) и др.

¹⁰¹ См. подробнее: официальный сайт Сергея Юрьенена // URL: <http://www.sergenen.com>

¹⁰² Там же.

У микрофона РС в 1970-1980-е гг. также выступали писатели и поэты: Василий Бетаки (поэт и переводчик, внештатный сотрудник парижского бюро РС в 1973-1986 гг.), Владимир Буковский (писатель и правозащитник выступает на РС с 1977 г. по н.в.), Георгий Владимов (писатель, выступавший на РС с 1983 г. по 1995 г.), Анри Волохонский (поэт и прозаик, сотрудник отдела новостей в 1980-1995-х гг.), Эдуард Кузнецов (писатель, штатный сотрудник РС в 1979-1980-х гг., некоторое время возглавлял отдел новостей), Аркадий Львов (писатель, внештатный сотрудник нью-йоркского отделения РС с середины 1980-х гг.), Александр Пятигорский (писатель, философ, регулярный участник историко-философских передач лондонского бюро РС), Андрей Синявский (писатель, внештатный сотрудник парижского бюро РС в 1970-1980-е гг.), Михаил Эпштейн (писатель, в конце 1980-х-начале 1990-х регулярный участник программы «Поверх барьеров»).

В 1987 г. совет по международному радиовещанию подготовил для РС новый Профессиональный кодекс. В принципе требования были те же, что и раньше: точность и достоверность информации; проверка подлинности самиздатовских и других документов, получаемых из Советского Союза или стран Восточной Европы; «избегание резкого полемического тона» при обсуждении событий, правительственных фигур и официальных лиц; отказ от материалов «подстрекательского характера, призывающих к восстанию и другим насильственным действиям»; «воздерживание от призывов покинуть страну»; отказ от высказываний, которые могли бы создать у слушателей представление, что в случае «внутренних беспорядков или международного конфликта Запад может предпринять военное вмешательство в какой-либо регион нашего вещания»; материалы радио не должны оскорблять религиозных, национальных, классовых или иных чувств аудитории, исторические конфликты должны освещаться тактично. Особое внимание уделялось следующему пункту: антисемитские, антикатолические или иные антирелигиозные высказывания должны тщательным образом удаляться; сотрудники РС должны являть собой общественный пример терпимости и уважения к разнообразию людей¹⁰³.

К 1988 г. много места в эфире занимали информационные сообщения, большие проблемные статьи из американских и западноевропейских газет соседство-

вали с разнообразными тематическими программами, были введены интервью в прямом эфире, анонсы передач, тоньше и артистичней стали использовать музыкальные вставки. Увеличилось число перекрестных репортажей, когда события одного региона освещаются корреспондентами из разных мест, стало выходить больше передач для разных групп населения, появились новые программы, посвященные науке, музыке, истории и религии. Эти программы не только вводили советских граждан в курс дела, но были вкладом в дальнейшее расширение гласности, поскольку вынуждали советские СМИ расширять круг честно освещаемых вопросов.

В сентябре 1988 г. председатель Совета по международному вещанию Стив Форбс отправился в Москву для участия в советско-американских переговорах по международной информационной политике. Он поднял вопрос о глушении вещания советской стороной, заявив, что это противоречит принципу гласности¹⁰⁴. Спустя всего несколько недель после этой встречи глушение РС, которое длилось 35 лет, внезапно прекратилось. 29 ноября сотрудники технического мониторинга из мюнхенской штаб-квартиры сообщили, что после 21 часа по центрально-европейскому времени передачи на языках народов СССР были приняты «громко и без помех». С этого момента начался новый период в работе РС.

В первый год вещания без помех, 1989 г., у микрофона РС были прочитаны: «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева, произведения Юрия Мамлеева, Бориса Парамонова, Григория Померанца, Льва Лосева, Сергея Довлатова, Иосифа Бродского, Александра Кабакова. Впервые в программах «Эклибрис» и «Поверх барьеров» были прочитаны «Как-то раз в Алеппо» и «Знаки и символы» Владимира Набокова (перевод — Веры Набоковой), новая проза русского зарубежья — «Шестидесятые» Петра Вайля и Александра Гениса (авторское чтение), глава из поэмы «Жизнь К.У. Черненко» Тимура Кибирова (авторское чтение), роман «Москва 2042» Войновича (авторское чтение). Повторяют записи чтений прозы эмигрантов первой и второй волн, в том числе, фрагменты книги Георгия Адамовича «Комментарии». В эфир, среди прочих, вышли программы «Поверх барьеров» об авангарде. О политическом авангарде говорит Анатолий Стреляный, о художественном — Илона Медведева, о театральном — Доналд Рэйфилд, поэтическом — Лев Рубинштейн¹⁰⁵. Сергей Довлатов рассуждает о ста-

¹⁰³ Сосин Дж. Искры Свободы. Воспоминания ветерана радио / пер. с английского Ольги Поленовой и Ивана Толстого // [ftp://realaudio.rferl.org/tu/sosin.pdf](http://realaudio.rferl.org/tu/sosin.pdf). С. 155.

¹⁰⁴ Там же. С. 158.

¹⁰⁵ Аудиоархив РС в Праге, 1989 г. Поверх барьеров. Диск: RA-372/5. Порядковый №89/04/22-23.

линизме, а Войнович вспоминает свои первые шаги в литературе в программе «Поверх барьеров»¹⁰⁶.

Конец 1980-х — начало 1990-х гг. серьезным образом изменили информационную ситуацию в СССР. Произошел переход от конфронтации в идеологической сфере к практике информационного воздействия. К началу 1990-х гг. «русская служба РС является самым большим вещательным подразделением «Радио Свободная Европа / Радио Свобода», она ведет передачи круглосуточно, принимать их можно на коротких и средних волнах»¹⁰⁷. К концу 1980-х гг. многим политологам и в СССР, и в США стало казаться, что после победы демократических революций, в условиях окончания «Холодной войны» РС становится бесполезным. Однако, президент радио Юджин Пелл направил послание Национальному совету безопасности США, где говорилось, что народы Восточной Европы по-прежнему нуждаются в объективной информации, несмотря на волну демократизации. «Накануне августовского путча в Москве председатель Совета международных исследований Вашингтонского центра по изучению стратегических проблем и международных отношений Уолтер Лакер заявил, что объявлять задачу РС выполненной преждевременно. События августа 1991 г. стали звездными часами для РС, вернув интерес аудитории к радиостанции»¹⁰⁸.

Сравнивая программы русской службы РС доперестроечного и перестроечного периодов, можно отметить, что произошли заметные изменения: в программах стали активнее участвовать внештатные авторы, проживающие в России; как источник информации стали использоваться российские агентства и материалы прессы; журналисты РС получили возможность работать на территории РС — открылось бюро в Москве; увеличился объем программ прямого эфира.

В начале 1990-х гг. авторы, выступавшие долгие годы по РС и читавшие свои книги перед микрофоном РС с надеждой быть услышанными своей аудиторией и без надежды увидеть свои произведения изданными в СССР, наконец-то были напечатаны в новой России. РС предстояло ответить на вопрос: следовать ли дальше старым литературным традициям РС или такие программы больше не нужны совре-

менным российским слушателям и аудитория теперь озабочена тем, как выжить в новой экономической и политической ситуации?

На основании проведенного в *Главе 1* анализа, автор приходит к следующим выводам.

Исследовать вещание РС вне идеологического контекста сложно. Но нельзя отрицать важнейшую роль, которую РС сыграло в сохранении культурного наследия России. РС является культурным феноменом в пространстве СССР, а затем России, а литературное вещание РС — звуковым отражением полувековой истории XX в.

Стоит отметить, что РС изначально сложилось как писательское радио. Радио имело отличную от других иностранных радиостанций концепцию. На РС не было ведущего языка — например, английского, с которого национальные службы делали бы свои переводы, в отличие от «Голоса Америки» или «Би-би-си», где для всех преподносилась единая информация.

В годы холодной войны через РС осуществлялась, чуть ли не единственная, связь русских эмигрантов с родиной, со временем вылившаяся в захватывающий диалог между эмиграцией и интеллигенцией в Советском Союзе. В течение почти сорока лет писатели-эмигранты читали у микрофона РС свои книги и произведения своих современников, рассказывали о русской и советской истории и литературе, возмещая пробелы в информации, доступной в Советском Союзе. РС предоставляло возможности для всех, кто мог рассказать что-то неизвестное и важное слушателям в СССР. Американская администрация РС следила за тем, чтобы не было оскорблений в адрес советских властей и критики в адрес США, но не вмешивалась в то, что говорила русские писатели на РС, которые выбирали темы передач сами и подавали информацию, руководствуясь своими взглядами и вкусом. Если суждения сотрудников РС были схожи — это говорит не о цензуре, а скорее о близости их мировоззрений.

РС стало своеобразным летописцем русской литературной жизни второй половины XX в. вне метрополии и сохраняло наследие писателей русского зарубежья. Предоставляя свой микрофон писателям в изгнании, РС также способствовало самореализации эмигрантов на Западе. Эфир РС отражает отношение эмигрантов к происходящему на родине, раскрываются общественно-политические позиции писателей-эмигрантов, выявляются их идеология и взгляды на культуру и литературу.

Характерной особенностью эфира РС, начиная с конца 1950-х до 1980-х гг., было чтение важнейших

¹⁰⁶ Аудиоархив РС в Праге, 1989 г. Диск: RA-116/1; RA-399/4. Порядковый №89/09/09-10.

¹⁰⁷ Бережкова С.Б. «Радио Свобода» в системе Международного Радиовещания на русском языке (1988-1994): автореф. дис. на соиск. уч. степ. ... канд. филолог. наук: 10.01.10 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1995.

¹⁰⁸ Там же.

публицистических, мемуарных и художественных произведений XX в., запрещенных в СССР. С самого начала своего существования РС сделало ставку на русскую литературу, на русскую культуру в целом, на наследие, которое в Советском Союзе было либо запрещено, либо искажено. То, что РС удавалось очень точно улавливать интересы слушателей, происходило благодаря неоценимому вкладу эмигрантов третьей волны, принесших свежее видение советской жизни, утраченное более старыми соотрудниками из ранней эмиграции. Литературные

программы и рубрики РС стали одной из форм искусства звукового отражения действительности, демонстрируя жанровое разнообразие, использование звуковых средств выразительности, характерных для радиоискусства.

К концу XX века стало очевидным, что русская литература оставалась целостной, существуя в СССР и на Западе. Русская литературная традиция не была прервана во многом благодаря РС, которое на протяжении почти полувека расширяло аудиторию писателей в изгнании.

Список литературы:

1. Бережкова С. Свобода как осознанная необходимость // Бюллетень инновационного. 1992. № 3. С. 3.
2. Вайль П. Без Довлатова // Довлатов С. Последняя книга: Рассказы, статьи. СПб: Азбука, 2011. С. 306-307.
3. Генис А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 2004.
4. Довлатов С. Филиал (Записки ведущего). СПб: Азбука-классика, 2009.
5. Зубарева Е.Ю. Проза русского зарубежья (1970-1980-е гг.). М.: Изд-во МГУ, 2000.
6. Некрасов В.П. Записки зеваки: Роман, повести, эссе. М., 1991.
7. Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2009.
8. О Довлатове. Статьи, рецензии, воспоминания. Тверь, 2001.
9. Скарлыгина Е.Ю. В зеркале трех эмиграций // НЛЮ. 2008. № 93. С. 9 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html>
10. Скарлыгина Е.Ю. Третья русская эмиграция в контексте течественной культуры 1960-80-х годов и культуры русского зарубежья // Вестн. Моск. Ун-та. 2009. № 1. С. 132.